

МОСКВА И ПОДМОСКОВЬЕ
ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКОВ СУДЬБЫ

СЕРГЕЙ РОМАНИУК

СЕРДЦЕ МОСКВЫ

ОТ КРЕМЛЯ
ДО БЕЛОГО
ГОРОДА

Сергей Константинович Романюк

Сердце Москвы. От Кремля до Белого города

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6493223

Сердце Москвы. От Кремля до Белого города: Центрполиграф; М.; 2013

ISBN 978-5-227-04778-6

Аннотация

Эта книга посвящена рассказу о центре Москвы, многочисленных памятниках Кремля, Красной площади, исторического района Китай-город, площадях и улицах вокруг центральной части города и об одном из самых любопытных и красивых мест центра – Острове. Каждое строение города, где бы оно ни находилось, – каменная скрижаль с высеченной на ней историей, рассказом о событиях, людях и их поступках. Автор рассказывает об исторических корнях современной Москвы, описывает все здания (в том числе и снесенные в XX в.) и все важные события, связанные с ними.

Содержание

От автора	6
Исторический обзор	8
СОВРЕМЕННЫЙ КРЕМЛЬ	92
Стены и башни Кремля	92
Успенский собор	166
Архангельский собор	194
Благовещенский собор	205
Конец ознакомительного фрагмента.	215

Сергей Константинович Романюк

Сердце Москвы. От Кремля до Белого города

От автора

Книга посвящена рассказу о центре Москвы, о многочисленных памятниках Кремля, Красной площади, исторического района Китай-города, площадях и улицах вокруг центрального ядра города и одном из самых любопытных и красивых мест центра – Острове.

В книге рассказывается о том историческом корне, из которого вырос современный город, о небольшой крепости на высоком холме при слиянии двух рек – Москвы и Неглинной. Как справедливо писал знаменитый историк и писатель Н.М. Карамзин 200 лет назад, «кто был в Москве, знает Россию». К его словам можно добавить, что те, кто хочет знать Москву, должны побывать в Кремле и на Красной площади, которые в сознании многих неотделимы друг от друга. Они являются средоточием, кратким изложением истории Москвы, а следовательно, и России. Каждое строение города, где

бы оно ни находилось, — каменная скрижаль с высеченной на ней историей, рассказом о событиях, людях и их поступках. В книге описываются все здания (в том числе и снесенные в XX в.) и, по возможности, все важные события, связанные с ними.

На протяжении многих лет появилось большое количество работ, посвященных Москве. Современные историки, археологи, архитекторы, искусствоведы постоянно работают над выяснением запутанных вопросов и их изыскания обязательно учитывались автором.

*Сколько время, пожары и руки человеческия
ни изменили вид Москвы, но на ея улицах еще не
совсем изгладились следы стараго быта, которые
нас переносят от настоящего к прошедшему.*

**Снегирев И.М. Никольская улица
в Китай-городе. М., 1853**

Исторический обзор

Москва расположена в центре Русской платформы, мощного кристаллического образования, возникшего более полутора миллиардов лет назад, на котором наслоилось до полутора километров осадочных пород, когда в этих местах было море.

Большое значение для формирования московского рельефа имели ледники. На территории современной Москвы находятся их отложения, относящиеся к трем ледниковым периодам: окскому (около 500 тысяч лет назад), днепровскому (около 300 тысяч лет назад) и московскому (примерно 130 тысяч лет назад). Каждый ледник, наступая, нес с собой массу различных отложений; подтаивая и отступая, он оставлял за собой эти отложения, которые называются моренными. Вторым фактором формирования рельефа была работа рек в межледниковые периоды. На создание современного рельефа огромное влияние оказала и деятельность человека: в продолжение сотен лет жители города подсыпали долины, копали каналы, куда переводили реки, сглаживали холмы. Кстати говоря, с московским рельефом связывается легенда о семи (число «семь» издавна считалось мистическим) московских холмах, которые сейчас уже почти не видны: Боровицкий холм (на котором находится Кремль), Швивая горка (при впадении Яузы в Москву-реку, на левом бере-

гу), Три горы (у Москвы-реки в районе Пресни), Введенская гора (в Лефортове), Варварина гора (район Курского вокзала), Псковская гора (Лубянка) и Страстная горка (Пушкинская площадь).

Когда отступил последний ледник, а это произошло около 23 тысяч лет назад, в эпоху палеолита – древнего каменного века, сюда, в Московский край, пришли первые люди. На территории современной Москвы была сделана любопытная находка: в 1936 г. при строительстве канала Москва – Волга на левом берегу реки Сходни случайно обнаружили часть черепа, который, казалось бы, принадлежал неандертальцу с низким лбом и выступающими надбровными дугами. При внимательном же изучении были выявлены не только черты современного человека, но и такая странная особенность, как отпечаток мелкой сетки по поверхности кости, как будто оставленный тканью. Но как могла очутиться ткань на поверхности черепа в то время, когда ткацкий станок появился только через несколько тысяч лет? Разгадку этой находки так и не нашли, как не обнаружили и никаких других свидетельств, подтверждающих жизнь людей палеолита на территории современной Москвы, где трудно вести раскопки, да и многое оказалось уничтоженным при строительстве.

Однако в 1950-х гг. неоспоримые доказательства жизни человека в эпоху палеолита обнаружили сравнительно недалеко, на месте известной стоянки Сунгирь у города Владимира, а позднее еще ближе, в Зарайске, где на высоком мысу

у слияния двух рек найдены остатки жилища и множество хозяйственных орудий. Судя по этим находкам, вполне можно предполагать возможность обитания людей и на территории Москвы.

От периода мезолита (средний каменный век), то есть от времени около 12–6 тысяч лет назад, осталось уже значительно больше свидетельств жизни людей, но самое большое количество находок каменного века относится к неолиту, новому каменному веку, начавшемуся около 8–3 тысяч лет назад. Люди неолита пользовались огнем, жили в легких шалашах, начали заниматься животноводством и земледелием. Они научились лепить глиняную посуду, которую украшали насечками и ямками. Свои орудия труда они делали из кости и камня.

Самая древняя из неолитических стоянок в Подмосковье – это Льяловская, датируемая примерно 3-м тысячелетием до н. э., которая находится в верховьях Клязьмы; на территории же современной Москвы, неподалеку от Москвы-реки в районе Щукина, обнаружили стоянку более позднюю – 2-го тысячелетия до н. э. Отдельные предметы этого времени обнаруживаются и в других местах, как, например, в Зарядье, где найдены наконечники стрел и каменное долото, и в Черкизове – кремневый наконечник стрелы.

Культура следующего периода называется бронзовым веком (примерно 2-е тысячелетие до н. э.). Тогда в быту начали появляться изделия из бронзы, сначала в виде украшений,

а потом и орудий труда, а также оружия, находимого в погребениях, первое из которых обнаружено у села Фатьянова в Ярославской области. Фатьяновцы в основном занимались скотоводством, но также охотой и ловлей рыбы; они хоронили умерших на боку, причем женщин на левом, головой на восток, а мужчин – на правом и головой на запад. Они были предками не только современных славян, но также балтов и германцев. На территории современного города были обнаружены два памятника этой культуры – Спас-Тушинский на берегу Москвы-реки и Давыдовский на берегу реки Сетуни.

Бронзовый век сменился железным. Железо обладало большей прочностью, железные руды были более распространены, получать железо из них сравнительно просто. Люди железного века выбирали места для поселений высоко над рекой, хорошо защищенные водой и оврагами. Они дополняли естественную защиту искусственными сооружениями – рвами и валами с деревянным тыном, защищавшими главное их сокровище – домашний скот. Такие укрепленные поселения археологи называют городищами, а неукрепленные – селищами. Много городищ находилось по течению Москвы-реки, заселение поймы которой происходило снизу вверх по течению. Одно из городищ дало название всей культуре – Дьяковское, по месту нахождения его еще в XIX в. у села Дьякова, близ Коломенского. Дьяковская культура просуществовала более тысячи лет – с VII в. до н. э. до VI–VII вв. н. э. Самые известные памятники этой культуры – Кунцевское,

Сетуньское, Мамоново (у Воробьевых гор) и, наконец, Боровицкое (на территории Кремля) городища. Дьяковцы занимались скотоводством – разводили крупный рогатый скот, свиней, лошадей; земледелием – возделывали просо, пшеницу, ячмень; охотились на бобров, куниц, медведей, лосей; изготавливали железные топоры, серпы, стрелы. Характерной особенностью дьяковской культуры были так называемые грузики – небольшие глиняные цилиндрические предметы с отверстием, назначение которых так и не разгадано. С дьяковцами связана еще одна тайна: они исчезли примерно в VIII в. н. э., и до прихода сюда славянских племен нет никаких материальных свидетельств жизни здесь в то время: археологи называют этот период «темными веками».

На обширной равнине Восточной Европы славяне появились в VI–VII вв. в результате последнего, третьего этапа огромного миграционного потока, который носит название Великого переселения народов. Они образовывали три большие группы – венедов, антов и склавенов, места расселения которых определяются различными археологическими культурами, определяемыми различной формой бытовой керамики. Уже в VII–VIII вв. эти крупные образования рассыпаются на более мелкие и расселяются по Восточно-Европейской равнине.

Среднее течение реки Москвы становится местом расселения славянских племен, пришедших с юга, с Оки, уже в X или XI в. Возможно, что причинами переселения бы-

ли преследования киевских князей и массовая насильственная христианизация. До славянской колонизации территорию Москвы населяли меря – народ, судя по названию рек и урочищ, финноугорской языковой семьи.

При освоении Восточно-Европейской равнины славянами на территории Москвы столкнулись два колонизационных потока: с юго-запада шли вятичи, с северо-запада – кривичи. Кривичи – это те самые племена, обратившиеся, согласно Повести временных лет, вместе с другими племенами к варягам с знаменательными словами: «...зваху тьи варязи русь... Реша (сказали. – *Авт.*)... чудь, словене, и кривичи и вси: „Земля наша велика и обилна, а наряда (то есть порядка. – *Авт.*) в ней нет. Да поидете княжить и володети нами“».

Славяне поднимались по рекам, единственно пригодным путям сообщения в этих краях, покрытых густыми, почти непроходимыми лесами. Племя вятичей обосновалось в долине Москвы-реки, а племя кривичей – несколько севернее. Границу между ними археологи определили по женским украшениям: вятичи носили так называемые височные кольца, имевшие 5–7 плоских, свисающих вниз лопастей, а вот кривичи отдавали предпочтение кольцам, похожим на проволочные обручи. Различались также и некоторые другие украшения. Культура вятичей хорошо исследована благодаря множеству сохранившихся курганов (в Царицыне, Чертанове, Тушине, Конькове, Зюзине, Черемушках, Матвеевском и в других местах) и открытым археологами поселени-

ям, укрепления которых были найдены в самом центре города, в Кремле на Боровицком холме.

В XI–XII вв., в период процветания земли вятичей, среди сел стали возникать первые города, центры торговли и ремесел. Земли, занятые славянскими племенами, постепенно подпадали под власть княжеств – Смоленского, Ростово-Суздальского, Черниговского. Вятичские племена, жившие на территории современного Подмосковья, одни из последних потеряли свою независимость. Жили они в сравнительно труднопроходимой местности, покрытой густыми лесами, более или менее доступными только зимой, и обычные пути из Южной Руси в Северо-Восточную проходили в обход этих мест. Когда Владимир Мономах, владевший Черниговским княжеством, ходил с войском на северо-восток, он с гордостью вспоминал, что ему удалось пройти «сквозь землю вятичей».

Считается, что основателем Москвы был ростово-суздальский князь Юрий, сын Владимира Мономаха, но его имя появилось в летописи только в связи со встречей союзных князей в 1147 г. в уже существовавшей тогда Москве. Можно предположить, что Москва была основана примерно на полстолетия раньше, в конце XI в., как княжеский форпост в земле вятичей, противившихся покорению ростово-суздальскими князьями. Площадь древнего московского поселения несравнимо больше любых других поселений в бассейне реки Москвы, и, согласно исследованиям археолога А.А. Юш-

ко, «Москву следует причислить к числу изначально княжеских городов».

Основание Москвы может быть отнесено к деятельности знаменитого Владимира Мономаха, который получил северо-восточные земли в 1093 г., после смерти отца, Всеволода Ярославича, великого князя Киевского. Но он еще ранее, будучи черниговским князем, предпринял первый такой поход примерно в 1068–1072 гг.; известно также, что он ходил на вятичей в продолжение двух зим – «на Ходоту», вятичского предводителя.

Через четыре года права на владение северо-восточными землями были подтверждены Любечским съездом, когда собравшиеся на нем князья решили прекратить распри и оставить каждому земли своих отцов. Владимир Мономах старается укрепиться на северо-востоке, усиленно строя опорные пункты. Можно предположить, что он, понимая важность порубежных земель своего княжества, занятых враждебными племенами вятичей, основывает в самом конце XI в. у впадения Неглинной в Москву-реку на месте древнего дьяковского поселения, где, возможно, также жили вятичи, одну из важных крепостей, ставшую городом Москвой. Одним из документальных подтверждений этой датировки является печать, найденная вместе с обрывком медной проволоки на Боровицком холме на той же глубине (более 5 м), где находилась мостовая домонгольского времени. Печать с отиснутым изображением Богоматери Оранты датировалась

1091–1096 гг. и могла принадлежать Киевской митрополии. Ее привезли в Москву вместе с несохранившейся грамотой, которая могла храниться неподалеку – в первой церкви крепости, то есть церкви Рождества Иоанна Предтечи. Эта находка наряду с многими другими свидетельствует о заселении кремлевского холма к концу XI в.

Владимир Мономах – выдающийся политический деятель ранней истории Руси, полководец и писатель, автор «Поучения», замечательного памятника древнерусской письменности, соединившего различные жанры – и автобиографию, и нравоучение, и исповедь. По отцовской линии он был внуком Ярослава Мудрого, а по материнской – внуком византийского императора Константина Мономаха, почему и получил свое прозвище. С самых ранних лет Владимир Мономах участвует в военных походах против врагов внешних, а также в междоусобных распрях с соседями-князьями. По словам самого Владимира, «всех походов моих было 83, а других маловажных не упомню. Я заключил с половцами 19 мирных договоров, взял в плен более 100 лучших их князей и выпустил из неволи, а более двухсот казнил и потопил в реках». Он нападал даже на Византийскую империю, и император Алексей Комнин, по рассказам, прислал в Киев ценные дары, среди них был венец Константина Мономаха, которым короновали Владимира. Отсюда и название венца – «шапка Мономаха», которая хранится теперь в Оружейной палате (но, по мнению большинства исследователей, она бы-

ла изготовлена на рубеже XIII–XIV вв. на Востоке).

Будучи проницательным государственным деятелем, князь Владимир выступал инициатором съездов князей, призывавшим их к согласию и объединению перед внешней опасностью. Как отмечал историк Н.И. Костомаров, «при таком положении дел важнейшей задачей тогдашней политической деятельности было, с одной стороны, установление порядка и согласия между князьями, а с другой – дружное обращение всех сил Русской земли на свою защиту против половцев. В истории дотатарского периода мы не видим ни одной такой личности, которой бы удалось совершить прочно и плодотворно такой великий подвиг; но из всех князей никто не стремился к этой цели с такой ясностью взгляда и с таким, хотя временным, успехом, как Мономах, и потому имя его долго пользовалось уважением. Кроме того, о его жизни сложилось понятие как об образцовом князе».

В результате объединительной деятельности Мономаху подчинилось почти все Древнерусское государство. Владимир Мономах остался в народной памяти заступником простого народа, «смердов»; по словам летописца, после смерти князя в 1125 г. «слава его прошла по всем странам, особенно же был он страшен поганым; был он братолюбец, и нищелюбец, и добрый страдалец за Русскую землю. Духовенство плакало по нем, как по святом и добром князе... весь народ плакал по нем, как плачут дети по отце или по матери».

Москву окружали густые леса и обширные болота, что

обеспечивало ей относительную безопасность, и она занимала удобное географическое положение на пересечении важных торговых путей из Южной Руси (из Чернигова, Киева) в Северную (во Владимир, Ростов), а также из Новгородской земли в Рязанскую. Некоторые из основанных примерно тогда же военных опорных пунктов, подобно Москве, впоследствии стали, благодаря благоприятным географическим условиям, притягательными центрами для ремесленного и торгового населения.

Попытки объяснения названия Москва делались издавна, но до сих пор так и нет удовлетворительного результата.

Существует множество предположений, более (их немного) или менее правдоподобно (их значительно больше) трактующих сложный вопрос происхождения имени города, впрочем, дело обстоит также и по отношению к многим другим старинным городам.

Имя реки Москва передалось городу, и оно требует выяснения: какая народность из сменявших друг друга на Восточно-Европейской равнине была «ответственна» за него?

Названия географических и, в особенности, названия водных объектов – гидронимов – наравне с археологическими свидетельствами наиболее важный источник наших знаний о народах, населявших определенные территории.

В бассейне Москвы-реки в 3–2-м тысячелетиях до н. э. обитали финноугорские племена, и очень вероятно, что именно они и дали имя этой реке. Балтские племена появи-

лись существенно позже, и жили здесь они на протяжении 1000–1500 лет (примерно от начала 1-го тысячелетия до н. э. до середины 1-го тысячелетия н. э.), не говоря уже о славянах, которые появились примерно во второй половине 1-го тысячелетия н. э., причем долгое время оба племени жили вместе и ученые говорят о балто-славянской общности.

Почти все, писавшие о топониме Москва, делили это слово на две части – «Моск» и «ва», объясняя далее каждую часть по отдельности, как правило, обязательно присваивая части «ва» значение «вода» из различных языков. Они рассматривали его современную форму слова, не принимая во внимание развитие его во времени – ведь в древних формах топонима окончания «ва» не было.

Известный языковед И.Г. Добродомов вполне убедительно показал, что топоним с формой «Московь», зафиксированной в Лаврентьевской летописи: «Глѣбъ же на ту щень приѣха на Московъ и пожже городъ весь и села» (1177), имел в качестве более древней форму «Москы», реконструируемую лингвистами. Но, как указывает Добродомов, эта форма представляет собой развитие еще более древней формы – «Мушко» исчезнувшего финно-угорского языка, мери или мешеры, которую древние славянские поселенцы на Москвереке переделали в «Москы». Как пишет исследователь, «в таком случае получается, что название Москва может рассматриваться как органический сплав принесенного славянами родного названия и местного финно-угорского, перео-

звученного по образу названия исконного. Свое и чужое в нем оказалось просто сплавленным».

Конечно, как и многие старинные города с богатой историей, Москва имеет свои легенды и предания. Исследователь повестей о начале Москвы справедливо отмечает, что исторический факт «окружен в повестях большим количеством вымышленных подробностей. Эти подробности каждый из авторов подбирал, руководствуясь своими задачами, но все они сошлись в свободном обращении с известными историческими событиями...».

Как-то надо было объяснить превращение незаметного поселка, вполне ординарного среди других поселений в обширных лесах северо-востока, в большой город, столицу самого могущественного княжества: «И почему было Москве царством быть и кто знал, что Москве государством слыти». В XVII в. появляются несколько рассказов, толкующих возникновение Москвы. Один такой рассказ повествует о Мосохе Иафетовиче (библейский персонаж, один из сыновей Иафета, родоначальник диких племен на север от Черного и Каспийского морей), пришедшем «в страну Скифскую» и поселившемся на месте «предъизбранном и предълюбезном», которое находилось «над двема реками». Поселенец дал названия обеим рекам – одну назвал по своему имени и по имени жены Ква: получилась Москва, а вторую по имени сына Я и дочери Вуза – Яуза. В этом наивном сказании отразились какие-то воспоминания о древнем поселе-

нии, возможно находившемся на высоком холме у слияния рек Москвы и Яузы.

В другом рассказе говорится о киевском боярине Степане Кучке, получившем от князя Юрия Владимировича земли у Москвы-реки и устроившем для себя двор, вокруг которого обосновались и его слуги, и дружина. Он, однако, «возгордевся» и не оказывал должных почестей князю Юрию, почему и поплатился жестоко: князь «повеле его в той час смерти предати». Здесь отражаются древние представления о обязательном жертвоприношении, пролитии крови на месте закладки, и после этого князь Юрий «постави град, нарече имя ему Москва... повеле град Москву населити людьми и распространити». Тот же боярин фигурирует и в более пространном рассказе, где упоминаются сыновья его Петр и Аким и дочь, «благообразна и лепа» Улита. В этом, казалось бы, легендарном рассказе речь идет, однако, об известных летописцу исторических деятелях – участниках заговора против князя Андрея Боголюбского: «...и тако упившеся вином, поидоша на сени. Начальник же убийцам был Петр Кучькович, зять Анбал, Ясин ключник, Яким Кучькович... возьмеше оружие, яко зверье дивии...»

На страницах Ипатьевской летописи (одной из древнейших) Москва впервые упомянута в связи с феодальными распрями русских князей, начавшимися после смерти великого князя Киевского Мстислава в 1132 г. Эта дата считается началом долгой эпохи феодальной раздробленности, про-

должавшейся около трехсот лет. Единая Киевская Русь распалась на полтора десятка самостоятельных княжеств, где правили свои собственные династии, отпрыски Рюриковичей: так, в Чернигове княжили Олеговичи, в Смоленске – Ростиславичи, во Владимире, Ростове и Суздале – Юрьевичи, но все они по старой памяти добивались великого киевского княжения. Князья объединялись во враждующие группы, нападали друг на друга, разоряли города и села, грабили христианские церкви, уводили в рабство мирное население, насильничали и убивали, приводя с собой не только свою вооруженную дружину, но и нанятые толпы диких половцев.

В одном из бесчисленных эпизодов братоубийственной войны участвовал князь Суздальский Юрий Владимирович, которому его отец, Владимир Мономах, передал княжеский суздальский стол. Именно с ним, прозванным значительно позже Долгие Руки, связывается «основание» Москвы в 1147 г. В борьбе за киевский великокняжеский престол Юрий объединился с новгород-северским князем Святославом против Мстиславичей, действовавших вкупе с черниговскими Олеговичами и Давидовичами. В начале 1147 г. князь успешно воевали в разных местах: Юрий захватил Торжок и земли по реке Мсте (он пошел «воевать Новгородские волости и пришел взят Новый Торг и Мьсту всю взят»), а Святослав в Смоленске опустошил земли племени голядь в верхнем течении реки Протвы и взял большую добычу: «И шел Святослав взят люди Голядь верх Поротвы, и ополонишася

дружина его повелику». Юрий, «довольный злом», как пишет Карамзин, причиненным Святославом, отправляет ему послание: «Приди ко мне, брате, в Москов». Встретились они в удобно для них расположенном месте – Москве, недалеко от границ Рязанского, Черниговского и Смоленского княжеств, по пути на север, к Новгороду, и достаточно большом для встречи трех князей (к Юрию и Святославу присоединился еще рязанский князь Владимир Святославич, у которого перед тем отняли все его владения).

Юрий уже находился в Москве, когда к нему прибыл малолетний сын Святослава Олег с подарками. Вот как Ипатьевская летопись повествует об этом: «Святослав же еха к нему с детятем своим Олгом, в мале дружине, пойма с собою Володимера Святославича; Олег же еха наперед к Гюргеви и да ему пардус (вероятно, шкура гепарда. – *Авт.*)». Вскоре в Москве появился и князь Святослав: «И приеха по нем отец его Святослав, и тако любезно целовастаня, в день пяток, на Похвалу святеи Богородици, и тако быша весели».

«День пяток» означает пятницу, а слова «на Похвалу святеи Богородици» – в Похвальную неделю Великого поста, перед праздником иконы Похвалы Богородицы, который был установлен в IX в. в благодарность за неоднократное избавление Константинополя от осаждавших его вражеских войск, когда по стенам и стогнам столицы носили икону, умоляя о защите. Праздник этот не имеет определенной даты, он переходящий, то есть зависит от даты празднования

Пасхи, которая по церковным канонам должна отмечаться в первое воскресенье после весеннего равноденствия. Тогда это было 20 апреля, а праздник Похвалы Богородицы отмечается в субботу на пятой неделе поста, за 16 дней до Пасхи, и, следовательно, князья встречались в пятницу 4 апреля 1147 г. Эта дата (по новому стилю 11 апреля) и является первым упоминанием Москвы в письменных источниках: в этот день, а не осенью должен был отмечаться день города и проводиться юбилейные празднования.

На следующий день, в субботу 5 апреля 1147 г., в самый праздник Похвалы, Юрий Долгорукий устроил, по выражению летописца, «обед силен». Видно, Москва уже была таким поселением, в котором можно было устроить пиршество для князей и для немалых, надо думать, дружин их. Правда, устраивать «обед силен» и пировать в строгий церковный пост было не самым благочестивым поступком князя Юрия и его гостей. В тот же день, по рассказу летописца, князь Юрий «створи честь велику им и да Святославу дары многы с любовью и сыновеи его, Олгови и Владимиру Святославичю...». Из Москвы Святослав отправился к реке Оке, где и остановился. Союз Юрия и Святослава оказался недолговечным, и уже в следующем году братья воевали друг против друга...

Борьба Юрия Владимировича за великокняжеский киевский престол велась с переменным успехом: так, в 1149 г. он сел на киевский престол, но вскоре потерял его, в 1150-м он

снова стал великим киевским князем, вернулся в Киев через четыре года и скончался там в 1157 г. Во время феодальных усобиц князь Юрий был вынужден укреплять границы своего княжества – так, по сообщению летописи, в 1156 г. он строит в Москве крепостные стены: «...князь великий Юрий Володимеричь заложи град Москвѹ на устии же Неглинны, выше реки Аузы».

Ф.Я. Алексеев. Красная площадь

Высказывались сомнения в том, что князь Юрий мог по-

строить московскую крепость. Известие об этом встречается только в Тверской летописи и носит характер поздней вставки, тем более что князь, по словам более древней Ипатьевской летописи, почти весь год провел в Киеве: поэтому некоторые ученые вообще считали дату неверной и полагали, что крепость строил сын Юрия князь Андрей. Однако, как пишет исследователь истории Древней Руси В.А. Кучкин, Юрий Владимирович все-таки мог быть в 1156 г. в Москве, так как в Ипатьевской летописи нет сведений о том, где был князь как в начале года, так и с его середины до зимы следующего – следовательно, он вполне мог быть в Москве в 1156 г. и руководить строительством тамошней крепости.

Где же были первые укрепления Москвы? Слова «на устии же Неглинны выше реки Аузы» означают, что они находились выше по течению Москвы-реки относительно впадения Яузы, а именно у устья речки Неглинной, то есть на Боровицком холме, который прекрасно подходил под строительство крепостных стен. Он был тогда значительно круче, чем теперь, обе реки – и Москва и Неглинная – защищали его с южной, западной и северо-западной сторон, а с восточной был выкопан ров и насыпаны валы.

Основные источники достоверных сведений о древней Москве – археологические раскопки, но они ведутся от случая к случаю, когда позволяют власти, как правило, в спешке: над учеными нависает ковш экскаватора. Обстановка для

планомерных археологических исследований в Кремле еще хуже: кремлевские чиновники и охранники далеки от научных интересов и не заинтересованы в выяснении неизвестных страниц русской истории. Нередко случалось так, что на территории Кремля строились какие-то сооружения («объекты»), и можно только предполагать, сколько ценнейших свидетельств прошлого исчезли навсегда.

И тем не менее археологи совершили немало выдающихся открытий, существенно прояснивших многие этапы ранней истории Москвы.

Так, археолог Н.С. Шеляпина обнаружила материальные свидетельства бытования на Боровицком холме дьяковского поселения, датированного второй половиной 1-го тысячелетия до н. э. и существовавшего еще в первые века нашей эры. Оно располагалось на бровке холма, примерно там, где теперь стоит Архангельский собор. При строительстве Дворца съездов выяснились детали планировки древнего Кремля и была найдена уникальная деревянная конструкция крепления оборонительного вала, состоящая из дубовых бревен, соединенных поперечными лагами с крючьями, которые препятствовали его разрушению. Такая конструкция, называемая «хаковой» (от польского слова hak – «крюк»), применялась в польских крепостях – возможно, что в возведении московской крепости участвовали европейские мастера или же горододельцы из Киевского или Владимиро-Волынского княжества. На укрепленном таким образом валу, вероятно,

стоял уже не частокол, а деревянные трехстенные срубные стены с бойницами. В стене, возможно, были и две проездные башни – одна к востоку, в равнинную сторону, к поселку у укрепленных стен, а другая – к реке Неглинной. Укрепления 1156 г. защищали резиденцию феодального властителя, при которой на территории современного Зарядья и у Красной площади располагался посад, поселок крестьян, ремесленников, торговцев.

Очертания московской крепости второй половины XII в., по мнению многих исследователей, напоминают неправильный овал площадью около 3 га (современная площадь Кремля – 28 га); линия крепостных укреплений шла от нынешней Троицкой башни до устья реки Неглинной, далее параллельно берегу Москвы-реки до теперешней Тайницкой, поворачивала на северо-запад по дуге, включая Соборную площадь, и возвращалась к Троицкой башне.

Крепость была защищена рвом шириной 16–18 м и глубиной около 5 м, а также валом, на котором могли стоять деревянные стены. Внутри крепости археологи обнаружили остатки деревянных срубов, водосточные дренажи, мостовые, которые делались не только из продольных бревен, но и из... челюстей и плоских костей крупного рогатого скота.

Впервые слово «кремль» в истории Москвы появилось сравнительно поздно – так городская крепость была названа в 1331 г. в рассказе Воскресенской летописи о случившемся тогда пожаре, то есть почти через 250 лет после основания

города: «В лето 6839 (это летосчисление «после сотворения мира», которым пользовались на Руси до реформы Петра I в 1700 г. — *Авт.*), месяца Маиа 3, бысть пожар на Москве, погоре город Кремль». Надо сказать, что к этому же событию относится и известие другой летописи, в которой крепость была названа Кремником: «Въ лето 6839 месяца Маиа въ 3, на память святого мученика Тимофея и Мавры, бысть пожар на Москве, и погоре городъ Кремникъ», а, скажем, в сообщении об огромном пожаре 1365 г. опять пишется «кремль»: «Того же лета загореся город Москва от Всех Святых сверху от Черторьи, и погоре посад весь и Кремль и Заречье, бысть бо тогда засуха велика, еще же и буря велика к тому вста». В изложении нападения литовского князя Ольгерда в 1367 г. крепость постоянно называется «градом кремлем» («Князь же великий повели около града кремля посад пожещи примета ради»; «Олгерд же стоял около города три дни и три нощи, останокъ загородиа все поже, многы церкви и многы монастыри пожегл и отъступи от града, а града кремля не взял и поиде прочь, възвратися въсвояси»).

Происхождение слова «кремль» не выяснено: существует множество версий, большинство которых не выдерживают критики. Одна из них, высказанная в 1873 г. палеологом А.М. Кубаревым, предполагает, что название произошло от греческого слова «кримнос», что означает «крутизна, крутая гора над берегом». Слово это могло быть занесено в Москву священнослужителями, приехавшими с греком митрополи-

том Феогностом, но вряд ли греческое слово получило широкое распространение на Руси, чтобы его применяли везде для названия внутренней крепости.

Вторая версия, выдвинутая известным филологом Я.К. Гротом в статье 1865 г. и довольно распространенная, но от этого не менее легковесная – от слова «кром», «кромка», о чем-то, находящемся на краю (что же такое в городе XIV в. стояло на краю?); по объяснению словаря русского языка XI–XVII вв., кром – это «внешнее городовое укрепление», что никак не может относиться к Кремлю.

Третья версия, также неубедительная, утверждает, что название дано от слов «кремлевый», «кремлевник», от диалектных слов, обычных не для Москвы, а для Архангельской губернии, обозначающих якобы хороший, крепкий лес. Это объяснение взято из словаря Даля, но вот знаток архангелогородских говоров объясняет это слово как «хвойный лес на моховом болоте» (*Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Императорская академия наук, 1885). Согласитесь, что хвойные деревья, выросшие на болотах и, по определению, слабые и хилые, использовать для возведения крепостей было бы странно, да и вспомним кремль Ивана Калиты, построенный из крепкого дуба. Необъяснимо то, что узкоспециальное архангельское слово «кремлевник» с XIV в. неожиданно стало применяться для обозначения деревянной крепости, а не ранее, ибо до этого времени слово

«кремль» вообще не использовалось на Руси (а для обозначения крепостей применялось слово «детинец»).

Наиболее обоснованной представляется версия, предложенная в 1997 г. М.Г. Савицким, – от монгольского слова «керем», вошедшего в русский после татаро-монгольского нашествия, что значит крепость, укрепление. От него появилось прилагательное «керемель» – древнерусский суффикс прилагательного – ль, образованный от имен существительных, как видно, имел широкое распространение: безумник-безумль (безумный), ЯрославЯрославль (ярославский) и др. Соответственно, керем (укрепление) – керемль (укрепленный), в речи превратившийся в более удобное «кремль». Надо сказать, что сначала слово «кремль» было прилагательным, так что слова летописи «град кремль» для читателя были понятны как «поселение (град) укрепленное (керемель, кремль)». Со временем прилагательное «кремль» субстантивировалось (что является характерным в развитии языка), то есть превратилось в существительное, и как имя существительное распространилось по Руси. Встречающееся в летописи слово «кремник» не происходит от какого-то «кремня», а является стяжением, суффиксальным образованием, возникшим в разговорном языке и проникшим в летописный текст. Важно также подчеркнуть, что слово «кремль» появилось только в XIV столетии, до этого времени для обозначения крепости применялось слово «детинец». Эта версия отличается от других тем, что она объясняет и его проис-

хождение, и развитие, и связь слова с историческими условиями середины XIV в. на Руси.

Деревянные стены крепости, впервые упомянутой в летописи под 1156 г., конечно, неоднократно возобновлялись – так, например, известно, что через двадцать лет после их постройки – в 1179 г. – Москва была сожжена рязанским князем Глебом Ростиславичем: «Глеб же тоа осени иде к Москве и пожже Москву всю, город и села». Конечно же серьезно пострадала крепость и при нашествии войск Батыя в зиму 1237/38 г., когда «татарове поидоша к Москве и взяша Москву и воеводу убиша Филипа Нянька за правоверную веру крестьяньскую, а князя Владимира, сына Юрьева, руками яша, а люди избиша, от старець и до младенець, и много именья взямше отъидоша». При московском князе Данииле Александровиче – сыне Александра Невского – стены видели монголов, разоривших город в 1293 г. под водительством хана Дюденя, который «много пакости учиниша христианом, и много градов поимаша... и всю землю пусту сотвориша»; а также в 1305 и 1307 гг. – во время феодальных распрей от нападавших войск князя Михаила Ярославича Тверского. Однако тверские рати «града не взя и, не успев ничто же, возвратися», хотя бой «бысть силен».

При князе Данииле небольшая окраинная сторожевая крепость Москва превратилась в столицу удельного княжества. Город, однако, никак не соответствовал своему новому положению. Иван Калита существенно изменил Кремль: на

бровке холма над Москвой-рекой был построен новый деревянный княжеский замок, и, таким образом, в это время – в середине XIV в. – определилась конфигурация застройки парадной части Кремля. В 1339 г. возвели новую крепость «в едином дубу», то есть только из дубовых бревен. Удивительно, что такое немалое строительство заняло очень короткое время – по Воскресенской летописи, 25 ноября заложили, «да срублен быть тое же зимы, в великое говенье»: тогда Великий пост начинался 8 февраля 1340 г. (по старому стилю) и, таким образом, возведение крепости продолжалось около трех-четырех зимних месяцев.

По площади Кремль Калиты занимал примерно две трети современного. Вероятно, новые укрепления представляли собой две параллельных деревянных стены, связанные поперечными срубами, между которыми плотно набивалась земля и камни, а снаружи стены обмазывались глиной. По верху стены, между круглыми и четырехугольными башнями (их число и размещение неизвестны), шел навес. Длина стен составляла 780 саженей, то есть 1670 м. Возведение крепостных стен было итогом жизни московского князя Ивана Даниловича, умершего в 1340 г.

Эти стены защитили Кремль, где гордо высились новые каменные соборы и церкви, построенные князем со сказочной быстротой. Так, в 1327 г. построили Успенский собор, главный московский храм и место захоронения митрополитов и патриархов, в 1329 г. – церковь Иоанна Лествичника

«иже под колоколы», в 1330 г. – Спасскую церковь у княжеского двора, в 1333 г. – собор Михаила Архангела, княжескую усыпальницу, где похоронили и самого храмоздателя. Можно предположить, что некоторые церкви строились на месте стоявших там и ранее деревянных храмов. Хотя все эти храмы были небольшими, но такое интенсивное строительство свидетельствовало о немалых богатстве и амбициях московского князя. Конечно, Москва не могла еще сравниться с великолепным Владимиром, но все-таки стала большим и богатым городом.

Возведение каменных храмов при Иване Калите обуславливалось и тем, что он понимал важность поддержки его русской церковью в лице митрополита Петра. Именно Петр заложил московский Успенский собор, где и был похоронен, а после кончины его объявили святым – первым в ряду русских митрополитов – и ему приписали пророчество о будущем Москвы. Он якобы обратился к князю Ивану: «Если послушаешь меня, сын мой, то и сам прославишься более иных князей с родом твоим, и град твой будет славен между всеми городами русскими, и святители поживут в нем, и кости мои здесь положены будут». Преемник Петра митрополит Феогност, который «был самым усердным помощником князей московских в достижении ими своих стремлений», уже совсем перенес кафедру из Владимира в Москву.

Через четыре года после постройки дубовой крепости, в 1343 г., при сыне Ивана Калиты князе Симеоне Гордом сго-

рело 28 церквей, а в 1354 г. сгорел и сам Кремль с 13 церквями в нем — это говорит о том, как вырос город. Стены крепости простояли недолго — через 25 лет после смерти Ивана Калиты, в 1365 г., в Москве случился большой пожар, названный Всесвятским, так как он начался у церкви Всех Святых — «погоре посад весь, и Кремль, и Заречье, бысть бо тогда засуха велика, еще же и буря велика к тому вьста, и меташа за 10 дворов головни и берня с огне, и не бе лзе гасити, в едином бо месте гасяху, а в десяти загорашася...», и кремлевские стены разрушались.

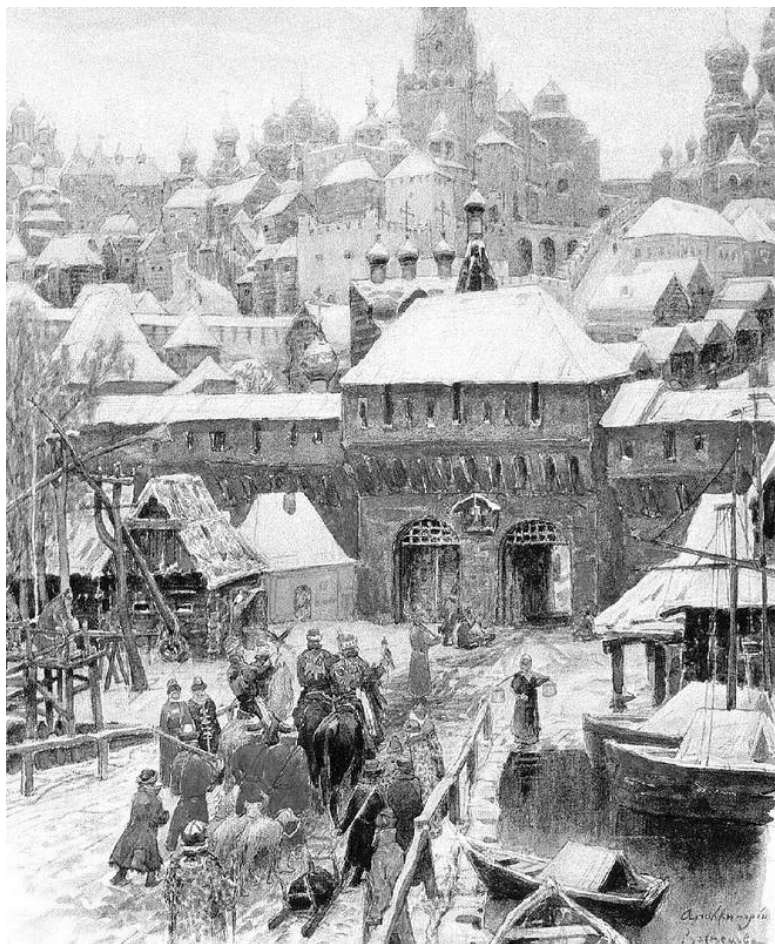
В тревожное время, когда Москва участвовала в непрерывных раздорах и войнах то с Ордой, то с Тверью, то с Литвой, то с Рязанью, оставаться без защиты стен было невозможно. По совету старейших бояр и «погадав с братом своим с князем с Володимером Андреевичем», внук Ивана Калиты, князь Дмитрий Иванович, «сдоумаша ставити город камен Москвою», то есть строить новые крепостные стены, но теперь не деревянные, а белокаменные: «...да еже оумыслиша, то и сътвориша. Тое же зимы повезоша камене к городу». Зимой 1366 г. заготавливали камень, вероятно из ближних дорогомилловских или дальних мячковских каменоломен, и свозили его в Москву, а весной 1367 г., то есть немногим более чем через год, начали постройку. Возведение крепости в такой сжатый срок требовало усилий всех москвичей и жителей княжества. Это была огромная по тому времени работа, которую могло позволить себе только бога-

тое и сильное государство – по современным расчетам, лишь на основных строительных работах трудились ежедневно не менее 2 тысяч человек. Сооружение мощной каменной московской крепости имело большое значение – опираясь на возросшую военную силу, московский князь мог диктовать свою волю соседним княжествам. Как записал летописец Тверского княжества, соперника Москвы, «на Москве почали ставити город камен, надеяся на свою великую силу, князи Русьскыи начаша приводити в свою волю, а которыхи почал не повиноватися их воле, на тех почали посягати злобою».

По сравнению с крепостью Ивана Калиты новая крепость значительно расширилась на северо-восток и восток, и, за исключением дальнего северо-восточного угла, она стала почти равной современной, и более того, современные стены Кремля возведены в основном на фундаментах (с небольшими отступлениями) стен Дмитрия Донского.

Общая протяженность стен нового Кремля составляла около 2 км. Точное число башен неизвестно, но можно предположить, что в крепости было пять проездных: Фроловская, Тимофеевская, Чешкова, Боровицкая и Никольская. Названия некоторых кремлевских башен могут свидетельствовать о том, что за их постройку отвечали и, возможно, ее финансировали богатые бояре. Так, нынешняя Тайницкая башня называлась Чешковой по московскому боярину Даниилу Чешко, а Беклемишевская называлась Тимофеевской

– по Тимофею Воронцову-Вельяминову. Только три башни были проездными и вели к посаду с восточной стороны, что указывает на его значительное развитие.

*А. Васнецов. Московский Кремль при Дмитрии Донском.
Акварель*

Огромное сооружение из белого камня настолько поразило воображение современников, что с тех пор – с середины XIV в. – закрепилось за Москвой прозвание Белокаменная. В «Повести о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», прославлявшей героя Куликовской битвы, о нем было сказано, что князь «град свой Москву стенами чюдными огради и во всем мире славен бысть».

Уже в 1368 г. (надо думать, что к этому времени крепость была закончена) белокаменные стены противостояли грозному литовскому князю Ольгерду, знаменитому тем, что «многы земли поимал, но толма (не только) силою, елико (сколько) уменьем воеваше», и, как летописец посчитал нужным передать нам, был он лучше многих, «бе бо вина и меду не пиа». Он скрытно и быстро подошел к Москве, где князь Дмитрий вместе с митрополитом и боярами засел в осаде. Велев поджечь посад, три дня стоял Ольгерд перед новой московской крепостью; опустошил всю округу, угнал скот, увел множество пленников, но Кремль взять не смог. Второй раз он подошел к стенам Кремля в декабре 1370 г., где и на этот раз заперся князь Дмитрий, но, узнав, что недалеко собираются московские полки, Ольгерд запросил мира.

И еще раз при великом князе Дмитрие Кремль подвергся нападению, однако оно на этот раз не окончилось столь благополучно. Дело в том, что, несмотря на победу на Куликовом поле, Московское княжество отнюдь не освободи-

лось от золотоордынской зависимости, и через два года после битвы хан Тохтамыш двинулся на Москву с целью наказать своевольного данника. Дмитрий на этот раз уехал из города, за ним засобирались его княгиня и митрополит Киприан. Недовольные москвичи едва выпустили их, правда предварительно ограбив. Тохтамыш подошел к стенам, попытался взять их приступом – «три дни биахуся», но был отбит и только хитростью, обманув осажденных, ворвался в Кремль. Все было сожжено, сгорели тысячи книг, снесенных под защиту стен, погибло много жителей города, и, как эпически повествует летописец, «бѣше тогда видети в граде плач, и рыдание, и выпль мног, и слезы, и крик неутешаемый, и стонание многое, и печаль горкаа, и скорбь неутешимаа, беда нестерпимаа, нужда ужаснаа, и горесть смертнаа, страх, и ужас, и трепет, и дряхлование, и срам и посмех от поганных христианом». Как заметил известный историк И.Е. Забелин, «неизобразимые ужасы Тохтамышева нашествия надолго оставили свои страшные следы в том безграничном трусливом опасении, с каким потом Москва встречала каждый татарский набег».

После страшных разрушений, причиненных Тохтамышем, после нескольких опустошительных пожаров Москва опять постепенно начала застраиваться. Конечно, прежде всего жители поставили деревянные избы, но уже в 1389 г. в первый раз упоминаются новые каменные здания: тогда возвели церковь Афанасия и Кирилла в Кремле. Там же вдо-

ва великого князя Дмитрия Донского Евдокия начала строить в 1393 г. каменную церковь Рождества Богородицы, заменившую церковь Воскресения Лазаря, которая «была мала древяна». Она же смогла украсить ее «иконами, и книгами, и сосуды», а через два года (в 1395 г.) церковь расписали греческий иконописец Феофан и Семен Черный с учениками. Еще при Дмитрие Донском в Кремле на месте Ордынского двора митрополит Алексий основал в 1365 г. Чудов монастырь.

В 1408 г. белокаменный Кремль выдержал осаду ордынского князя Едигея. Опять москвичи, предварительно снеся весь посад, чтобы было способнее стрелять в осаждавших, заперлись в крепости, и опять, как раньше его отец Дмитрий Донской во время набега Тохтамыша, великий князь Василий Дмитриевич «отъеха в борзе», то есть быстро, поспешно покинул Москву. Едигей не решился пойти на приступ города, отошел от него и, расположившись лагерем в Коломенском, приказал тверскому князю идти к Москве «с пушками, и с тюфяки, и с самострелы, и с всеми сосуды градобийными». Едигей, однако, не дождался ни его, ни «сосудов», а вместо того получил известие из Орды, заставившее его срочно вернуться туда. Но он успел вытребовать от москвичей «окупа», а они, «не ведуща бывшего», то есть ничего не зная о событиях в Орде, собрали 3 тысячи рублей и отдали разбойнику, ушедшему не только с этой огромной суммой, но и с «множеством полона».

В первой половине XV в., во время феодальной войны между Василием II, внуком Дмитрия Донского, и его родственниками, в Кремле конечно же ничего не строилось. Только после победы Василия II, ослепленного своими врагами и потому прозванного Темным, строительство в Москве возобновилось, и летописи почти каждый год полнятся сообщениями о новых зданиях, и, что важно отметить, каменных. Так, летом 1450 г. боярин Владимир Ховрин возвел на своем кремлевском дворе у Воскресенского монастыря каменную церковь Воздвижения, и тогда же митрополит Иона начал строить каменную палату с Ризоположенской церковью; в 1458 г. на подворье Симонова монастыря у Никольских ворот соорудили каменное здание церкви Введения, а через год митрополит Иона пристроил к Успенскому собору придельный Похвальский храм в честь отражения нападения татар, которые «похвалився на Русь пошли»; еще через год летописец записал, что на другом подворье – Троице-Сергиева монастыря – его игумен воздвиг Богоявленский храм.

В 1461 г. у Боровицких ворот построили каменную церковь Рождества Иоанна Предтечи вместо деревянной, о которой летописец записал, что «глаголют же, яко то пръваа церковь на Москве». Несколько позже случилось весьма знаменательное событие – летопись сообщила о том, что не князь, не боярин, не церковный иерарх, а купец возвел «кирпичные» палаты. В 1471 г. купец Таракан (надо думать, из

богатых купцов Таракановых, имевших позднее дом в Китай-городе) построил у Фроловских (Спасских) ворот свой дом: «единого лета и сведе».

Великому князю Василию наследовал его сын Иван III, долголетнее правление которого – с 1462 по 1505 г. – было отмечено важнейшими событиями в истории Москвы и Кремля. Государство оправилось от потрясений внутренних и внешних, и великий князь мог начать грандиозное строительство в своей резиденции. Такого еще не было на Руси: на протяжении почти 45 лет продолжалось возведение различных строений – от огромной по всем меркам крепости, а также церквей и дворцов и до самых разных хозяйственных зданий. Первым стал достраиваться собор Вознесенского монастыря, где хоронили великих княгинь. Его заложили еще в 1407 г., но много десятилетий он стоял неоконченным из-за «многих же пожарех». Предполагалось снести обгорелые своды и стены и возвести их заново, но за дело взялся зодчий Василий Еролин, один из малоизвестных сейчас русских мастеров, настоящий человек эпохи Возрождения, обладавший многими талантами: скульптора, мастера-строителя, архитектора.

Он сумел оставить стены, и «горелъи камень весь обламаша, и своды двигшееся разобраша, и оделаша ея около всю новым камнем да кирпичем ожиганым, и своды сведоша, и всю съвръшиша, яко дивитися всем необычному делу сему». Митрополит Филипп освятил собор 3 ноября 1467 г. Тогда

же Архангельский собор обстраивается небольшими деревянными обетными храмами, но главной заботой и князя и митрополита был Успенский собор, простоявший со времени князя Ивана Калиты и пришедший в ветхость. Собрали деньги, пригласили мастеров, 30 апреля 1472 г. совершили закладку и к весне 1474 г. собор вывели до сводов, но 20 мая стены его порушились. Новый собор возводил итальянский зодчий Аристотель Фиораванти.

Однако самым крупным строительством в Кремле было возведение кирпичных крепостных стен вместо изрядно обветшалых белокаменных времен Дмитрия Донского. Они неоднократно поправлялись, чинились, прикрывались деревянными заплатами, которых было так много, что один из иностранных путешественников записал, что кремлевские стены построены из дерева. В особенности пострадал Кремль в пожар 1445 г., когда 14 июля «загорися град Москва (внутри города, то есть в Кремле. – *Авт.*) в нощи и выгоре весь, яко ни единому дреvesи на граде не остатися, но и церкви каменные распадашася, и стены градные каменные падоша в многих местех, а людей множество изгоре...».

В 1451 г., когда ордынский царевич Мазовша приступил к Москве, оказалось, что во многих местах «несть крепости каменя». Летописи и позднее сообщают о повреждении крепости: в 1473 г. «огоре градная кровля, и приправа вся городная», в 1479 г. при пожаре «бяху бо поварни за градом под стеною градною, и загорися поварни те, и от того кровля

граднаа загорися».

Мысль о крепостных стенах конечно же занимала Ивана III. Сразу после восшествия на трон он занялся их поправлением. В 1462 г. великий князь указал перестроить стены на участке от Боровицкой до Свибловой башни. Руководил этим тот же Ермолин.

Однако совсем другой размах получили работы в Кремле после женитьбы Ивана III на племяннице императора Византии Зое Палеолог. Тогда Кремль в основном и приобрел современный вид.

Отец Зои, правитель провинции Морья (на полуострове Пелопоннес в Греции), брат последнего византийского императора Константина, Фома Палеолог, после падения империи бежал в Италию, где его гостеприимно встретил папа римский. После смерти Фомы заботу о Зое взял на себя ее опекун, кардинал Виссарион, радевший о восстановлении Византийской империи и воссоединении православной и католической церквей: он участвовал во Флорентийском соборе, где была одобрена «уния», то есть союз между двумя церквями. Виссарион пользовался в Италии большим влиянием и даже претендовал на избрание папой. Он был выдающимся ученым и способствовал знакомству Италии с греческой культурой; свою большую библиотеку завещал Венеции при условии свободного доступа. Виссарион понимал, что привлечение Русского государства к борьбе против турок может быть решающим для восстановления Византии, и

непосредственно содействовал заключению брака Зои с русским великим князем. В 1469 г. в Москву прибыл грек Юрий с грамотой от кардинала Виссариона, в которой дочь морейского правителя Зоя Палеолог предлагалась в невесты. Великий князь, посоветовавшись с матерью, митрополитом Филиппом и боярами, отправил в Рим посла с поручением посмотреть предполагаемую невесту. Обратный привез ее согласие и портрет. Царевна, по словам очевидцев, была очень полной, невысокого роста, с красивыми глазами и удивительной белизной кожи, но, правда, внешние данные в этом политическом браке не играли главной роли.

Обсудив все еще раз, Иван отправил посольство с окончательным согласием на брак. Там, в Риме, в соборе Святого Петра в исключительно торжественной обстановке состоялось обручение Зои с великокняжеским уполномоченным, а затем она отправилась в неведомую страну. Путешествие длилось четыре месяца: сначала на север, к Балтийскому морю, потом на корабле к русским берегам. 12 ноября 1472 г. Зоя Палеолог въехала в Москву. Ее привезли в церковь под благословение митрополита, потом в хоромы матери великого князя, где жених и невеста впервые увидели друг друга. После обручения состоялось венчание в деревянной временной церкви, поставленной посреди строящегося Успенского собора. Итак, византийская принцесса Зоя Палеолог стала московской великой княгиней Софьей Фоминичной.

С появлением Зои Палеолог в Москве облик и обычаи ве-

ликокняжеского двора значительно изменились: теперь уже никто и помыслить не мог обращаться к Ивану III со «многими поносными и укоризненными словами», как было возможно еще недавно. Существенно большее внимание уделялось пышности, богатству, церемонному этикету, появились придворные чины, был принят герб – двуглавый орел, который, согласно последним исследованиям, заимствовали из герба Священной Римской империи. Великий князь рассматривался как прямой преемник римских императоров и единственный охранитель истинной веры.

Теперь Кремль – резиденция наследника славы Византии и оплот православия. Однако лабиринт его узких улиц и проходов между многочисленными мелкими дворами, где виднелись небольшие каменные и деревянные храмы, окруженные кладбищами, совершенно не соответствовал новому значению Кремля. По словам историка В.О. Ключевского, «почувствовав себя в новом положении и еще рядом с такой знатной женой, наследницей византийских императоров, Иван нашел тесной и некрасивой прежнюю кремлевскую обстановку, в какой жили его невзыскательные предки».

Новая роль Москвы поставила на повестку дня сооружение современных, отвечающих притязаниям московских государей представительных зданий, и в первую очередь в великокняжеской резиденции в Кремле. Вероятно, по совету Софьи Иван III задумал широкую, невиданную еще програм-

му кардинальной перестройки. Вслед за заморской царевной выписали и заморских зодчих. В Москву прибыл Аристотель Рудольфо Фиораванти (Фиораванти дельи Альберти, называвшийся в летописях Аристотелем «за его хитрость»), за ним последовали Марк, Пьетро Антонио Солари, Петр-Франциск, Алоизио да Каркано (Алевиз Старый), Алоизио Ламберти да Монтаньяна (Алевиз Новый), Бон и Петрок Малый. Их звали фряжинами, то есть иностранцами.

Об Аристотеле известно более всего: он родился в 1415 г. в Болонье в семье потомственных зодчих, его имя становится известным в Италии благодаря крупным инженерным работам: укрепление и передвижка зданий, выпрямление башен, прокладка каналов. Он же умел изготавливать монету, делать кирпич, возводить мосты и крепостные башни, отливать пушки.

Приезд Аристотеля Фиораванти был занесен в летопись под 1474 г.:

«Тое же весны, месяца марта 26, на Велик день, пришел из Риму посол великого князя Семен Толбузин, а привел с собою мастера муроля, кой ставит церкви и полаты, Аристотеля именем, такоже и пушечник той нарочит, лити их и бити, и колоколы и иное все лити хитр велми». Новоприезжий мастер уже через три недели после поездки во Владимир приступил к первой работе: «...а 17 апреля мастер Венецкой Аристотел начят разбивати церкви Пречистыя не падшиа стены новыа, и разби того дни два столпа, да и предние

двери, и стены предние разби много». Разобрав в короткое время старую постройку, он приступил к возведению новой: Успенский собор был выстроен им в 1477 г. и через два года освящен.

В обновлении Кремля самую важную роль играло строительство крепости, шедшее одновременно с возведением десятков сооружений внутри ее. Иван III обладал большой реальной властью и крупными денежными материальными ресурсами, которые особенно увеличились после ограбления богатого Новгорода: как отметил летописец, «поимал князь великы болших боярь Новгородских и боярынь, и казны их и села все велел отписати на себя, а имъ подавал поместья на Москве под городом, а иных боярь, которые коромолу дръжали от него, тех велел заточити в тюрьмы».

Иван III решил создать для себя и своего двора соответствующую новому положению великолепную резиденцию, которая свидетельствовала бы о его величии, могуществе и богатстве. Так, начиная с 1485 г., на протяжении 10 лет, за исключением перерыва, вызванного огромным пожаром 1493 г., велось возведение крепостных стен Кремля. Есть основания считать, что общий план перестройки или, вернее, постройки Кремля был продуман и составлен заранее, и можно предположить, что Аристотель Фиораванти был одним из авторов этого плана.

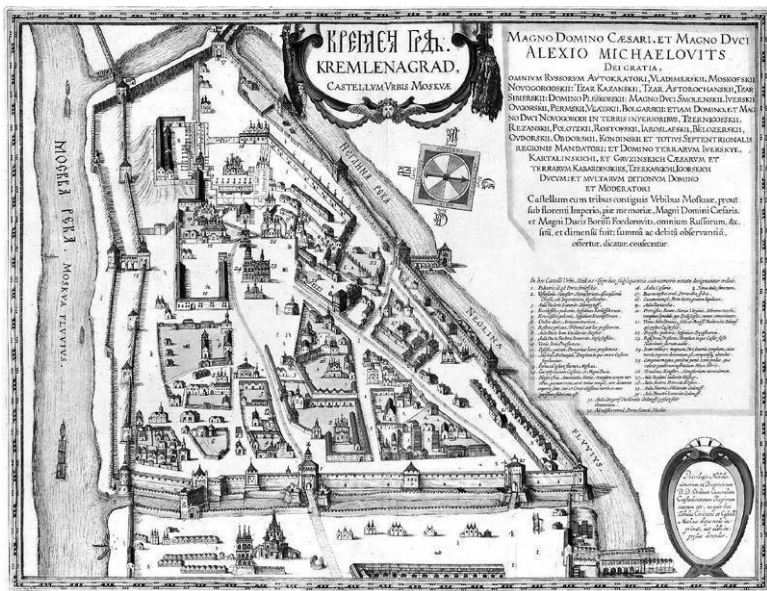
Строительство новой крепости, которое подгонялось возможной войной с ордынским ханом Ахматом, началось с юж-

ной, речной стороны, откуда чаще всего появлялись вражеские рати. Первой заложил Тайницкую башню в 1485 г. итальянский мастер-горододелец фрязин Антон. В марте 1487 г. начали угловую Беклемишевскую башню, или, как говорили тогда, стрельницу, а через год, «месяца мая в 27 день, заложил Онтон фрязин стрелницу вверх по Москве, где стояла Свиблова стрелница, а под нею вывел тайник». Таким образом, речная южная сторона была укреплена раньше других стеной с тремя главными башнями – Тайницкой посередине, Беклемишевской и Свибловой на краях. В строительстве как Тайницкой, так и Свибловой башен, а также и прясел крепостных стен принимал непосредственное участие фрязин Антон, о котором известно совсем немного – есть не очень достоверные сведения, что он приехал в Москву в 1469 г. в составе посольства из Италии для переговоров о женитьбе Ивана III. Другая угловая башня – Беклемишевская – строилась зодчим Марком, известным также по постройкам внутри Кремля: Казенного двора, Набережной и Грановитой палат.

После строительства южной части перешли к возведению примыкающих к ней стен с запада и востока: в 1490 г. поставили Боровицкую башню и протянули стену от нее к Свибловой, а с востока поставили Константино-Еленинскую башню. Этим строительством руководил зодчий, работавший в Кремле более других иностранных архитекторов, Пьетро Антонио Солари, которого звали в Москве «Петр архитек-

тон фрязин» – такого названия, «архитектон» (то есть архитектор), не достаивался ни один из итальянских зодчих в Москве ни до него, ни после. Солари приехал в Москву в начале 1490 г. вместе с учеником и целой группой мастеров. Он происходил из известной в Северной Италии семьи строителей и скульпторов и принимал участие в постройках в Милане и Павии, его называли обладателем «божественнейшего таланта». В 1491 г. он продолжал возводить восточную сторону крепости, достраивая заложенные Марком Фроловскую и Никольскую стрельницы, и в следующем году строил прясла стен по восточной стороне, а также «стрелницу новую над Неглимною с тайником» – здесь речь идет об Угловой Арсенальной башне с колодцем в ней.

Следовательно, к этому времени самые опасные части крепости были уже готовы, и осталось замкнуть кольцо укреплений со стороны Неглинной. Пьетро Солари умер в ноябре 1493 г., и после него в Москве не осталось опытных мастеров: тогда Иван III посылает в Италию еще одно посольство, которое привозит Алоизио да Каркано, ставшего в Москве Алевизом Старым.

План Кремля в эпоху Бориса Годунова

К той стороне, что шла вдоль реки Неглинной, пришлось приступить только через несколько лет, ибо работа на топких берегах Неглинной оказалась очень трудной: нужно было забивать много свай в зыбкое основание речного берега. Алевиз в 1495 г. строит в сложных условиях западную стену Кремля: «...заложиша стену градную камену на Москве возле Неглимны, не по старой основе, града прибавиша». Возможно, что в период между 1495 и 1499 гг. возвели на той

же стороне Троицкую башню и таким образом замкнули все кольцо кремлевских укреплений, потратив на всю эту циклопическую стройку 14 лет. Однако только в 1516 г. закончилось сооружение всего комплекса укреплений Кремля, когда выкопали ров, соединивший Неглинную с Москвой-рекой, и возвели вторую стену вдоль ее северо-восточного участка, по нынешней Красной площади.

При возведении новых стен территория Кремля увеличилась ненамного: юго-восточный угол был придвинут ближе к Москве-реке, а северо-западный – к Неглинной, и вся линия стены приближена к ее берегу. Плотины на Неглинной образовали несколько прудов, также затруднявших подступ к стенам. В результате грандиозного строительства Кремль стал искусственным островом, сильнейшей в Европе крепостью, в плане представляющей неправильный треугольник, площадью около 28 га, со стенами общей длиной 2250 м, толщиной от 3,5 до 6,5 м и высотой в зависимости от рельефа от 5 до 19 м. На каждую сторону так называемого треугольника выходило по семь башен (включая угловые). Три башни имели предмостные укрепления с внешней стороны рва, из которых сохранилась только одна – перестроенная Кутафья башня. Всего же башен было восемнадцать – приземистые, грозные и суровые, с нависшими бойницами, похожие на известные в Западной Европе ломбардские крепостные сооружения.

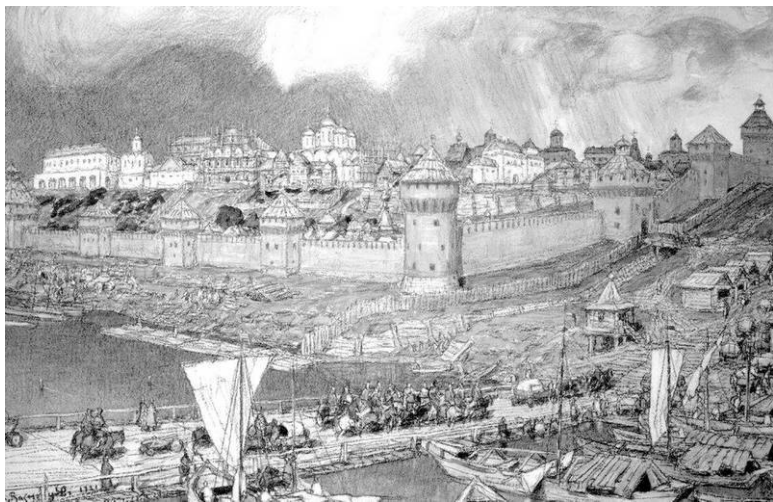
Стены, судя по зондажам, проведенным археологом М.Г.

Рабиновичем, состояли из кирпичной облицовки, толщиной 80–85 см, сердцевины, заполненной блоками белого камня (возможно, от белокаменных стен времен Дмитрия Донского) и битым кирпичом с известью, толщиной почти 3 м. Эта забутовка прорезана сеткой-каркасом кирпичной кладки с шагом около 1 м. В результате создавалась прочная конструкция, способная противостоять ударам таранов и пушечных ядер.

Для того чтобы обезопасить Кремль от пожаров, по указу Ивана III убрали все строения за Неглинной на расстоянии 109 сажень от кремлевских стен (в некоторых книгах освобожденное место у стен Кремля почему-то называется плацдармом, то есть местом для размещения оружия, что никак не соответствует действительности), что было оценено многими весьма отрицательно, а в особенности разрушение церковей. Вот редкое, дошедшее до нас свидетельство выражения тогдашнего общественного мнения в устах архиепископа Геннадия: «А ныне беда стала земская да нечесть государская великая: церкви старыя извечныя выношены из города вон... да еще паки сверх того и кости мертвых выношены на Дорогомилово, ино кости выносили, а тела ведь тут остались... А гробокопателям какова казнь писана! а ведь того дня, что будет воскресение мертвых, не велено их с места двигнути... от Бога грех, а от людей сором». Насколько известно, архиепископ не поплатился за эту критику властей, но она и не имела никаких последствий: власти взяли

да «выметали» церкви, и все тут.

Одновременно с возведением крепостных стен велось немалое строительство и внутри Кремля. В Чудовом монастыре между 1473 и 1476 гг. построили Алексеевскую церковь, в 1485 г. – церковь Ризоположения у митрополичьего двора, а на самом дворе – палаты в 1474 г., в 1480-х гг. – Богоявленскую церковь на Троицком подворье, а также трапезную палату и церковь Рождества Богородицы; на своих кремлевских дворах строили палаты бояре Василий Образец, Иван Голова и его брат Дмитрий Ховрин. Рядом с Успенским собором работали псковские мастера, заложившие в 1484 г. Ризоположенскую церковь, законченную через два года; они же строили новый Благовещенский собор на подклете прежнего храма, законченный в 1469 г.

Кремль при Иване Великом

Тогда же Иван III решил устроить для себя каменные палаты вместо деревянного дворца. В 1487 г. с западной стороны Благовещенского собора заложили великокняжеский дворец, строителем которого сначала был Марк-фрязин, а в дальнейшем Пьетро Солари. В составе великокняжеского дворца была Грановитая палата, законченная летом 1491 г. Сам дворец, представлявший собой живописный ансамбль нескольких зданий, закончили только в 1508 г. из-за огромного пожара, начавшегося 28 июля 1493 г. Тогда в Кремле сгорели дворы великого князя и митрополита, церкви и мно-

гие строения: «...много бо тогда людем скорбь бысть, болши двою сот человек згоре людей, а животных бесчислено выгоре у людей; а все то погоре единого полудни до ночи. А летописец и старые люди сказывают, как Москва стала, таков пожар на Москве не бывало».

В связи с возведением дворца великого князя пришлось вывести из Кремля далеко за город древний Спасский монастырь, от которого осталась лишь небольшая церковь. В 1503 г. в Чудовом монастыре закончили каменную церковь Чуда Михаила Архангела.

Иван III не дожил до завершения многих своих замыслов – он умер в 1505 г., отказавшись принять перед смертью схиму, как обычно делали его предшественники да и преемники.

При сыне Ивана III Василии строительство в Кремле не прекращалось: с восточной стороны вдоль стен под руководством Алевиза-фрязина в 1508 г. начали рыть огромный ров: «Тоя же весны князь великий велел вкруг града Москвы ров делать камением и кирпичем и пруды чинити вкруг града Алевизу фрязину». Ров этот был глубиной около 8 м и шириной поверху 34 м; его наполняла вода из реки Неглинной. В 1505–1508 гг. итальянский архитектор Алевиз Новый построил большой Архангельский собор вместо старого и небольшого времен Ивана Калиты. Зодчий использовал традиционные формы, но декорировал их совершенно необычно: так, закомары он заполнил изящными резными

белокаменными раковинами, которые с тех пор полюбились русским строителям, а снаружи опоясал собор открытой галереей на полуколоннах тосканского ордера и главный западный вход украсил перспективным резным порталом. Этому же архитектору принадлежит и монументальный собор кремлевского Вознесенского девичьего монастыря, а также три церкви – Николы Гостунского, построенная в 1506 г. на Ивановской площади, Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот – в 1509 г. и Рождества Богородицы в Сенях – в 1514 г.

Другой итальянский зодчий, о котором нам почти ничего не известно, – фрязин Бон – построил в 1505–1508 гг. колокольню, которая занимает центральное место в ансамбле Соборной площади Кремля. Он возвел первые два восьмерика знакомого нам сооружения, а пристройка к колокольне была произведена итальянским мастером Петроком Малым в 1539 г. Таким образом, в начале XVI в. композиционный центр Кремля – Соборная площадь – получил свое окончательное оформление и Кремль совершенно обновился.

При Иване Грозном в кремлевском подворье Троице-Сергиева монастыря возвели замечательную шатровую церковь во имя преподобного Сергия, а все подворье обнесли каменной оградой. Для царских детей Ивана и Федора царь в 1560 г. указал выстроить деревянные хоромы на бровке холма с каменной церковью Сретения, а над алевизовским подклетом построили так называемые Мастерские палаты, где

создавали предметы царского обихода.

Со временем усложнялся управленческий аппарат, для которого с юга Ивановской площади, почти на бровке холма, в 1591 г. выстроили протяженное здание приказов, которое разобрали и построили заново в 1680 г.

Царь Борис Годунов тоже задумал грандиозное строительство в Кремле, где он предполагал выстроить огромный собор Всех Святых, для чего даже изготовили из золота модель его, украшенную драгоценными камнями, но смерть царя в 1605 г. остановила все работы. Как записал летописец, «и камень, и известь, и сваи – все было готово, и образец был деревяной зделан по подлиннику, как составляетца „Святая святых“, и вскоре его смерть застигла». В 1600 г. Борис Годунов надстроил Ивановскую колокольню до высоты 81 м. После его кончины наступило Смутное время, когда было не до солидных построек, когда «судьбами Божьими и за грех всего православного христианства Московское государство от польских и литовских людей разорилось и запустело... И от того Московского государства всяким людям скорбь конечная». В то время собирались все города прийти к Москве и бороться против «злых разорителей», которые явились «на резанье христианское», против тех, кто «хочет государством Московским завладети, и веру христанскую попать, и всех православных христиан, конечно, хотят в плен и в расхищенье похитить».

С освобождением Москвы пришлось заняться государ-

ственным устройством, и только после выборов нового царя – Михаила Романова – стало возможным приступить к исправлению разрушений, нанесенных во время военных действий. В 1621 г. надстраивается Спасская башня, и там помещаются новые куранты, а в дальнейшем – уже в конце века, между 1672 и 1686 гг., – появляются шатровые верха и у других башен. О впечатлении, производимом кремлевскими башнями, свидетельствует знаменитый немецкий ученый и путешественник XIX в. Александр Гумбольдт: «Характер московской архитектуры непостижим. Громкие слова „византийский“, „готический“ совсем его не определяют... В Москве имеются башни наподобие ступенчатых пирамид, как в Индии и на Яве».

В 1624 г. у Ивановской колокольни появляется так называемая пристройка патриарха Филарета, на стене которой было написано, что она возводится царем Михаилом по совету патриарха. С умиротворением страны возводятся в Кремле роскошные здания для царской семьи. В 1635–1636 гг. на месте так называемой царицыной половины поднимается Теремной дворец, живописное сооружение с высокой расписной крышей и шатровыми крыльцами. С восточной стороны в комплексе дворцовых сооружений строятся также несколько церквей: в 1627 г. – Святой Екатерины, в 1635 г. – Верхоспасский собор и позднее – в 1681 г. – Распятская церковь. Все они получили общее завершение в виде одиннадцати глав, образующих три пятиглавия группы. В

том же году с западной стороны возвели Богородичную церковь, от которой сейчас видна только ее глава.

Не только царский дворец перестраивается в XVII в. Патриарх Никон, который считал церковь и себя выше земной власти, построил в 1655 г. великолепный собор Двенадцати Апостолов рядом с перестроенными и увеличенными патриаршими жилыми палатами.

Новые моды, новые увлечения приходили в старозаветную Москву и проникали в оплот ее – Кремль. Царь Алексей Михайлович увлекался театром: для царской потехи приспособили бывшие палаты Милославских и назвали их Потешным дворцом по представляемым там театральным пьесам, «царским потехам».

В Кремле вводились более строгие правила посещения. Конечно, туда можно было войти всякому, но вот въезжать на лошади разрешалось только «старым подьячим», да и то до определенных заранее мест. Для них отводились «указные места», специальные «парковки», где надо было оставить лошадь с экипажем, а уж далее идти пешком.

Арсенал

Новое XVIII столетие началось для Кремля катастрофой: в 1701 г., который по повелению Петра I стали считать не от «сотворения мира», а от рождения Христа, Кремль охватил большой пожар, в котором сгорели его многочисленные деревянные здания, а каменные еще долго стояли неотделанными. Несмотря на то что Петр не любил Москву и пере-

нес столицу на берега Невы, строительство в Кремле все же продолжалось: на месте сгоревших строений в 1702 г. начали возводить самое большое здание петровского времени – Цейхгауз, или Арсенал, предназначенный для хранения оружия и военного музея, законченный только в 1736 г.

После поражения русской армии под Нарвой существовала реальная опасность нападения Карла XII на Москву. Следовало принять меры для защиты города, и 6 мая 1707 г. Петр издает указ о его укреплении, и уже в начале следующего месяца приступили к работе, но до назначения царевича Алексея она шла довольно медленно. В начале следующего года Петр указывал: «Фартецию Московскую надлежит, где не сомкнуто, сомкнуть, буде не успеют со всем, хотя бруствером и полисадами; понеже сие время опаснейшее суть от всего года...» – и добавлял, что надо «всем здешним жителям сказать, чтоб в нужном случае готовы были все и с людьми, как уже указ дан, под казнию». Царевич Алексей, назначенный руководить работами, «изволили приказать боярам всякому по болверку, чтоб делали работные люди поскорее». В башнях тогда растесывали отверстия для установки больших пушек, а у стен и Кремля и Китай-города насыпались земляные укрепления – болверки от немецкого слова (bollwerk), которые так и назывались по фамилиям бояр: Голицынский, Бутурлинский, Салтыковский.

В течение первой половины XVIII в. в Кремле почти не строят, только время от времени поддерживаются некото-

рые здания. В опустошительный пожар 1701 г. сгорел и старый царский дворец, который долго стоял обгорелым, пока в 1722 г. к коронации жены Петра Екатерины I не были приготовлены две палаты – Грановитая и Столовая. После коронации дворец опять опустел; императрица Анна Иоанновна вместо починки дворца приказала построить небольшое деревянное здание у Арсенала и назвала Анненгофом. Императрица Елизавета Петровна, проведшая молодость в Москве, вдали от петербургского двора, приказала построить на месте старинных царских палат дворец по проекту архитектора графа В.В. Растрелли, который строил другой архитектор – князь Д.В. Ухтомский (по его рекомендации чуть было не снесли Теремной дворец, но вместо этого разобрали Столовую, Ответную, Золотую палаты). Он же возвел рядом с дворцом щедро украшенную Оружейную палату, снесенную через несколько лет для нового амбициозного проекта – теперь уже Екатерины II.

Самые большие разрушения (исключая, конечно, советское время) Кремль испытал именно при просвещенной Екатерине, которая затеяла почти полную его перестройку. Она поручила выполнить ее архитектору В.И. Баженову, считавшему, что необходимо «обновить вид сего древностию обветшало́го и нестройного града» (прямо советский Каганович). Баженов представил проект подавляюще огромного здания – длиной более полукилометра, протянувшегося по южной стороне кремлевского холма. Позади его монотон-

ного фасада скрывалось живописное разнообразие соборов, церквей, дворцов и палат. Эта постройка, по сути дела, уничтожала Кремль как древний общенациональный символ.

Поэт Г.Р. Державин откликнулся на претенциозную за-тею:

Прости, престольный град, великолепно зданье
Чудесной древности, Москва, Россий блистанье,
Сияючи верхи и горды вышины,
На диво в давний век вы были созданы,
Впоследни зрю я вас, покровы оком мерю
И в ужасе тому дивлюсь, сомную, не верю.

В 1771 г. уже начали подготовку к строительству и первым делом сломали южную стену Кремля с несколькими башнями, здание приказов и много других сооружений. Однако через два года все остановилось – Екатерина отменила стройку. Причиной была непрочность грунтов для этого колосса – уже начал трескаться Архангельский собор, который пришлось укреплять массивными контрфорсами, а также финансовые затруднения в связи с войной с Турцией, в результате которой, как были предупреждены строители, «во всех казенных строениях будет убавка на деньги... а не минует того и Кремлевское». Удивительно, но будущий знаменитый историк Карамзин мечтал сломать Кремль: «Иногда думаю, где быть у нас гульбищу, достойному столицы, – и не нахожу ничего лучше берега Москвы-реки между Каменным и Деревянным

мостом, если бы можно было сломать там Кремлевскую стену, гору к соборам устлать дерном, разбросать по ней кусточки и цветники, сделать уступы и крыльцы для восхода, соединить таким образом Кремль с набережною, и внизу насадить аллею. Тогда, смею сказать, московское гульбище сделалось бы одним из первых в Европе. Древний Кремль с златоглавыми соборами и готическим дворцом своим; большая зеленая гора с приятными отлогостями и цветниками; река немалая и довольно красивая, с двумя мостами, где всегда движется столько людей; огромный Воспитательный дом с одной стороны, а с другой длинный, необозримый берег с маленькими домиками, зеленью и громадами плотового леса; вдали Воробьевы горы, леса, поля – вот картина! вот гульбище, достойное великого народа! Тогда житель Парижа или Берлина, сев на уступе Кремлевской горы, забыл бы свой бульвар, свою Липовую улицу...» Иногда поражает слепота людей.

Попытки тотальной перестройки Кремля на этом не закончились – другой известный архитектор эпохи классицизма М.Ф. Казаков также представил свой проект. Он не был воплощен в жизнь, однако несколько крупных зданий было все-таки возведено. Одно из них – здание Присутственных мест, или Сенат, представительное сооружение с оригинальным планом в виде треугольника, с куполом, отмечающим великолепный парадный зал. Сенат построили в 1776–1787 гг. на месте дворов Белосельских и Трубецких, части монастырского Чудовского конюшенного двора, нескольких

церквей и дворов государевых духовников.

Здание предназначалось для московских департаментов Сената, некоторых других учреждений, а также для собраний московского дворянства (тогда еще не было собственно-го дворянского дома с его Колонным залом в Охотном Ряду).

В 1775–1776 гг. также по проекту М.Ф. Казакова строился дом для архиепископа Платона (Левшина), впоследствии московского митрополита. Это было двухэтажное здание, закругленный угол которого с полуротондой, украшенной колоннами, выходил на Ивановскую площадь. Казаков также пристроил к Алексеевской церкви XVII в. Чудова монастыря совсем не подходящее к ней крыльцо в готических формах, которые тогда считались «древними».

В начале XIX в. Дворцовой канцелярией стал заведовать энергичный П.С. Валуев, который принялся наводить порядок в запущенном кремлевском хозяйстве. Он испросил у императора Александра разрешение на снос, получил его и разрушил в Кремле много старинных зданий, в числе которых были замечательные Гербовые ворота, Годуновский дворец, подворье Троице-Сергиева монастыря с прекрасной шатровой Сергиевской церковью и еще несколько древних сооружений. Как заметил историк И.Е. Забелин, «исчезало многое ветхое, но вместе с тем исчезало иное не ветхое, только потому, что оно уже не отвечало вкусам нового времени и представлялось только памятником грубой и неуклюжей деревенской старины».

На месте дворца Бориса Годунова в 1810 г. была построена Оружейная палата в стиле классицизма по проекту архитектора И.В. Еготова, который умело завершил ансамбль площади с Арсеналом и Сенатом.

Тогда же приступили и к ремонту кремлевских стен. Совсем ветхую Свиблову башню пришлось переложить в 1806 г. заново, а над Никольской башней возвели новый шатер, украшенный готическими деталями по проекту архитектора К.И. Росси. В 1809 г. этот же архитектор начал строить перед старинным собором Вознесенского монастыря церковь Святой Екатерины в том же готическом стиле, перекликающемся с декором соседней Спасской башни.

В 1812 г. обновленный Кремль едва не избежал полного разрушения. Наполеон, предводитель «двунадесяти языков», сборной армии из жителей завоеванных им стран Европы, вынужденный уйти из Москвы, вознамерился разрушить самое значительное ее сооружение – Кремль.

Саперы заложили мины и подожгли фитили, но начавшийся проливной дождь их намочил, некоторые заряды не взорвались, а другие москвичам удалось погасить, но все же были причинены большие разрушения. Один из московских жителей вспоминал: «...меня разбудил сильный толчок, и в то же мгновение вся Москва пришла в ужас от самого страшного взрыва, какой только можно себе представить. Разбиты окна, крики женщин, всеобщий испуг, невозможность найти убежище, страх быть раздавленным падающими до-

мами — все это распространило повсюду ужас... почти через полчаса последовали два новые удара, но уже слабее первого; затем в меньшие промежутки было еще три взрыва, и этим все кончилось». Вот еще одно свидетельство очевидца: «Вдруг, должно быть уже за полночь, раздался взрыв в Кремле. Наш дом заколыхался, и вся мебель заходила. Мы себя не вспомнили от страха и бросались все из дома. Стоим мы среди двора и слова не вымолвим, еще в себя не придем, как загремел другой взрыв. Тут мы подумали, что пробил наш смертный час, и стали прощаться друг с другом. Помнится, что было еще три взрыва, и мы до самого разсвета просидели на дворе».

Оружейная палата Московского Кремля

Были подорваны башни с речной стороны крепости – Петровская, Первая Безымянная, Водовзводная, – и от взрывной волны свалилась верхушка соседней Боровицкой башни, разрушены северная часть Арсенала и прясло стены между Угловой Арсенальной и Никольской башнями, а у последней сорвало верх. Как передавал очевидец, между Угловой Арсенальной башней и Троицкими воротами он увидел «текущую беловато-серую, волнующуюся массу, которая в виде водопада с необыкновенным шумом низвергалась в бывший в то время ров». Это оказались бумаги кремлевских архивов.

Внутри Кремля пострадали Кремлевский дворец и Грановитая палата; взорваны звонница и Филаретова пристройка рядом с колокольней Ивана Великого, которая устояла.

Если можно было бы понять разграбление Кремля солдатами Наполеона или его желание получить в качестве трофеев статую Георгия Победоносца с купола Сената, двуглавого орла с Никольской башни и крест с Ивановской колокольни, то приказ Наполеона взорвать Кремль можно расценить как варварский и ничем не оправданный поступок дикаря:

Не будь Кремля – изрек злодей,
Но Кремль стоит священный;
Вспылал лишь древний дом царей,
Убийцей оскверненный.

Вот строки из донесения московского обер-полицмейстера Ивашкина от 16 октября 1812 г.: «Сего числа, в 12 часов пополудни, прибыл я в Столицу, где нашел многия улицы, по распоряжению Господина Генерала-Майора Бенкендорфа от трупов людей и мертвых лошадей очищенными, и спокойствие водворено. Отправясь немедленно в Кремль, усмотрел я, что Арсенал от Никольских Ворот подорван, Грановитая Палата сожжена, а Колоколья Ивана Великого осталась посреди окружающих ее колоколен, кои также подорваны, невредимою, крест же с оной снят и взят неприятелями».

Восстановление и ремонт Кремля длились долго – в течение 20 лет. Тогда отремонтировали разрушенные здания, изменили конструкцию и вид надстройки Никольской башни, переложили наружные поверхности кремлевских стен новым, специально изготовленным кирпичом, побелили стены, а вместе с ними Троицкую, Спасскую и Никольскую башни. В 1817 г. к приезду важных гостей – русского императора Александра I и прусского короля Фридриха-Вильгельма III – Кремль стали приводить в «порядок»: снесли старинную церковь Николы Гостунского, стоявшую на Ивановской площади недалеко от Спасских ворот, и устроили столь любимое сердцу правителей место – плац-парад.

В процессе восстановления и ремонта Кремля были выстроены и новые здания: так, напротив Потешного двор-

ца возвели три Кавалерских корпуса, стоявшие рядом друг с другом по линии улицы, а также рядом и позади – еще несколько: Офицерский, Гренадерский, Кухонный и Синадальный.

Для расширения дворцовых помещений приобрели митрополичий дом у Чудова монастыря и надстроили его третьим этажом – с 1831 г. он стал называться Малым Николаевским дворцом.

Царский дворец также сгорел в 1812 г., и к приезду императора Александра I его пришлось не только восстанавливать, но надстраивать и расширять, что и было сделано по проекту В.П. Стасова в 1816–1817 гг. Это здание простояло до начатой по указу Николая I большой перестройки в духе официозной архитектуры, выразителем которой был его любимый архитектор Константин Тон, воплотивший представления императора об «истинной» русской архитектуре. Кремль был подвергнут безжалостной хирургической операции.

В 1838 г. началось возведение Большого Кремлевского дворца, продолжавшееся 10 лет: на бровке кремлевского холма выросло огромное монолитное здание, закрывшее собой живописный объем Теремного дворца, дворцовые церкви и собор Спаса на Бору, а из старинных зданий лишь Грановитая палата и Красное крыльцо по-прежнему выходили на Соборную площадь. Ящикоподобный, монотонный объем нового дворца заменил собой живописную группу разных

строений, существовавших на этом месте с XVI в. Рядом с ним с 1844 по 1851 г. на месте Конюшенного двора строилось здание Оружейной палаты, близкой дворцу по отделке и масштабу, с такой же монотонной обработкой фасадов, где особенно непригляден цокольный этаж. Соединяет оба этих строения здание апартаментов.

Тогда же, и это вполне укладывалось в сознание преобразователей, разрушили древнюю церковь Рождества Предтечи, ведущую свою родословную от первой церкви, стоявшей в основанном Владимиром Мономахом городе. Как говорили, она мешала виду из Большого Кремлевского дворца, не сообразуясь с казарменной правильностью новых зданий, любезных взору царя. За церковь вступились ревнители старины, писали московскому митрополиту Филарету, но этот чиновник от духовного ведомства отказался от ее защиты.

После Николая I Кремль в течение второй половины XIX в. оставался, по сути дела, без перемен. Только уже в самом конце века на открытом месте, вдали от древних его строений, было решено поставить памятник царю-освободителю Александру II. Памятник возвели в 1890–1898 гг. на краю крутого склона холма в восточной части Кремля, против Малого Николаевского дворца, где родился император. Памятник представлял собой сложную композицию (архитектор Н.В. Султанов) из массивной высокой шатровой сени, под которой стояла фигура царя (скульптор А.М. Опекушин), с трех сторон ее обходила галерея на колоннах с 33

мозаичными медальонами русских князей, царей и императоров – от Владимира до Николая Павловича (художник П.В. Жуковский).

До большевистского переворота октября – ноября 1917 г. Кремль жил тихой жизнью, оживляясь только в редкие приезды императорского двора в Первопрестольную. Он был тогда духовным центром с самым почитаемым православным храмом – Успенским собором, где находилась и самая почитаемая икона – Владимирская Богоматерь, с двумя старинными монастырями, в одном из которых – Чудовом – хранились мощи святого митрополита Алексия. Кремль, часть города Москвы, был полностью открыт для всех желающих. Нельзя забывать, что Кремль и тогда являлся крупным музейным центром. Для того чтобы посетить императорские дворцы, надо было только взять бесплатный билет в Дворцовой конторе и также бесплатно осмотреть Синодальный дом с его богатейшей ризницей.

Однако в советское время все изменилось: с 1918 по 1955 г. Кремль был закрыт, да и теперь большая часть его недоступна для посещения и осмотра.

Взятие власти в 1917 г. в Москве проходило не так, как в Петрограде: в Москве нашлись здоровые силы, способные противостоять узурпаторам законной власти, которые только на восьмой день после ожесточенных боев, не останавливаясь перед самыми крайними мерами, одержали победу.

Как только было получено известие о взятии власти в Пет-

рограде, их московские товарищи объявили об организации вооруженного восстания и отправили указания занять стратегически важные пункты города – телефон, телеграф, почтамт и др. Городской голова заявил, что Московская городская дума является единственно легитимной властью в городе и она, естественно, не подчинится противозаконным распоряжениям большевиков. В Москве сосредоточились запасные формирования, дисциплина была расшатана, офицеры не имели никакого авторитета, и большевики легко привлекли солдат на свою сторону. Одними из самых активных участников восстания были так называемые двинцы, дезертиры-правонарушители, переведенные из тюрьмы города Двинска в московскую Бутырскую и выпущенные оттуда.

Кремль находился сначала под властью большевиков, но 28 октября его комендант, не имевший связи со своим центром, открыл ворота для законных формирований, состоявших в основном из юнкеров и студентов. Юнкера вошли в Кремль, начали выводить солдат из Арсенала и разоружать их. В это время со стороны солдат, не сдавших оружие, раздались ничем не спровоцированные выстрелы – было убито несколько юнкеров, остальные в панике бросились бежать. Строй юнкеров рассыпался, и стоявшие позади и охранявшие их броневики и пулеметы были вынуждены открыть огонь по большевистским солдатам. Советские историки полностью исказили факты и представили дело так, что «невинных» солдат «зверски» расстреляли студенты и юн-

кера.

Миролюбивая позиция командира Московского военного округа полковника К.И. Рябцева (которая позднее послужила его обвинению и расстрелу белыми) отнюдь не могла способствовать обузданию бунтовщиков, и беспощадная война, продолжавшаяся до 2 ноября, развернулась на улицах города. Большевики пустили в ход орудия, в том числе тяжелые, разместив их на командных высотах. Они не остановились перед обстрелом Кремля: 31 октября мастерским тяжелой и осадной артиллерии была поставлена «боевая задача: обстрелять Кремль, для этого выбрать, занять позицию и немедленно приступить к обстрелу»; 1 ноября приказали «открыть рано утром огонь по Кремлю, заняв предварительно теми орудиями, какие стоят на Москве-реке, угол Волхонки и Моховой, а также место около большого Каменного моста». Командир артиллерийского расчета вспоминал, что «артиллеристы были восхищены выбором позиции... Кремль был виден как на ладони... словом, в любую точку без единого промаха можно было класть снаряды».

Сначала «Бюллетень военно-революционного комитета» сообщил, что «во время обстрела сильно повреждены Кремль, Чудов монастырь и Успенский собор», но вскоре большевики спохватились, заявив, что повреждения, нанесенные кремлевским памятникам, совершенно незначительны: «...ни одно здание, имеющее археологическую ценность, не разрушено до основания или хотя бы частью».

Представители противной стороны придерживались, однако, другого мнения.

Вот свидетельства очевидцев. Н.П. Окунев, простой москвич, дневник которого чудом уцелел и был издан в 1997 г., писал, что «в Кремль не пускают, но я уже видел страшные язвы, нанесенные ему кощунственными руками: сорвана верхушка старинной башни, выходящей к Москве-реке (ближе к Москворецкому мосту), сбит крест с одной из глав „Василия Блаженного“, разворочены часы на Спасской башне, и она кое-где поцарапана шрапнелью, наполовину разбита Никольская башня, и чтимый с 1812 г. за свою неповрежденность от взрыва этой башни французами образ св. Николая Чудотворца уничтожен выстрелами без остатка. Как же это щадили его татары, поляки и французы? Неужто для нас ничего святого нет? Должно быть, так. По крайней мере, я слышал, какой-то солдатишко, идя по Мясницкой, ораторствовал, „что там ихний Кремль, жись-то наша чай дороже“. Подумаешь, до чего может дойти русский мужик своим умом!.. В Кремле снаряды попали в Успенский собор, в Чудов монастырь, в церковь 12-ти Апостолов, в Малый дворец, и вообще, должно быть, пострадал наш Святой и седой Кремль больше, чем от нашествий иноплеменных». Известный искусствовед А.М. Эфрос по горячим следам писал, что «при бомбардировке не осталось нетронутым ни одно кремлевское сооружение: следы – от пулевых пробоев до снарядных зияний – есть на каждом. Меньше всех постра-

дал как раз наименее значительный в художественном отношении Большой Кремлевский дворец. Сильнее всего разворочен Чудов монастырь. Его стены, окна, крыльцо представляли сплошную рану. Стены пробиты насквозь, искрошены наличники окон, разбиты колонны крыльца; внутренние части монастырских помещений, главным образом архиерейские покои, чрезвычайно пострадали».

Митрополит Евлогий, участник Поместного собора 1917 г., выбравшего в Успенском соборе патриарха, вспоминал, что он увидел, выходя оттуда: «Когда мы вышли из собора, я удивился разрушению кремлевских церквей. Октябрьский штурм был беспощаден... Дыры на куполе Успенского собора, пробоины в стенах Чудова монастыря. Пули изрешетили стены собора Двенадцати Апостолов. Снаряды повредили соборы Благовещенский и Архангельский. Удручающая действительность... Веяние духа большевистской злобы и разрушения – вот что мы почувствовали, когда в высоком духовном подъеме вышли из Успенского собора... Полной радости не могло быть, только молитвенная сосредоточенность и надежда, что Патриарх, быть может, остановит гибельный процесс. По древнему обычаю после интронизации Патриарх должен торжественно объехать Кремль, благословляя народ. Эта процессия обставлялась когда-то с большой пышностью. Теперь патриарший объезд Кремля являл картину весьма скромную. Патриарх ехал на извозчике с двумя архимандритами по сторонам; впереди, тоже на извозчике, –

„ставрофор“, т. е. крестоносец, иеродиакон с патриаршим крестом. Несметные толпы народа при приближении Патриарха Тихона опускались на колени. Красноармейцы снимали шапки. Патриарх благословлял народ».

Даже один из большевиков – народный комиссар просвещения А.В. Луначарский – подал было в отставку при известии о бомбардировке Кремля, но «подвергся по этому поводу серьезной „обработке“ со стороны великого вождя (Ленина. – *Авт.*)». Между прочим, Луначарскому были сказаны такие слова «вождем пролетариата»: «Как вы можете придавать такое значение тому или другому старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом?»

М. Горький писал в те дни о захвате власти «бешеными догматиками, такими как Ульянов и Троцкий, которым безразлична судьба России. Они выбрали русский народ в качестве материала для своих социальных опытов». Умный и прозорливый наблюдатель ноябрьских событий в Москве, известный историк Ю.В. Готье записал в ноябре 1917 г. в дневнике: «Большевики везде взяли верх, опираясь на невежественных и развращенных солдат; трогательный союз пугачевщины с самыми передовыми идеями; союз этот не может дать благих результатов; но сколько ужасов, страданий и опустошений нужно, чтобы несчастный русский народ

перестал убивать себя систематическими преступлениями и нелепостями?»

Святейший синод объявил 28 ноября 1917 г. во всех церквях России «сбор на восстановление и исправление кремлевских храмов, пострадавших во время междоусобной войны». Чем закончился этот сбор, сведений не осталось...

В следующем, 1918 г., спасаясь из «пролетарского» Петрограда, оказавшегося ненадежным, новое правительство во главе с Лениным тайно переехало в Москву. Троцкий вспоминал, что против этого решения восстали почти все ленинские соратники, но, как часто бывало, Ленин оказался прав. Оппозицию переезду «возглавлял Зиновьев, выбранный к этому времени председателем петроградского совета. С ним был Луначарский, который через несколько дней после октябрьского переворота вышел в отставку, не желая нести ответственность за разрушение (мнимое) храма Василия Блаженного в Москве, а теперь, вернувшись на свой пост, не хотел расставаться со зданием Смольного, как „символом революции“. Другие приводили доводы более деловые. Большинство боялось главным образом дурного впечатления на петербургских рабочих. Враги пускали слух, что мы обязались сдать Петроград Вильгельму. Мы считали с Лениным наоборот, что переезд правительства в Москву является страховкой не только правительства, но и самого Петрограда. Искушение захватить одним коротким ударом революционную столицу вместе с правительством и для Германии и

для Антанты не могло не быть очень велико. Совсем другое дело – захватить голодный Петроград без правительства. В конце концов сопротивление было сломлено, большинство Центрального Комитета высказалось за переезд, и 12 марта (1918) правительство выехало в Москву».

Оно разместилось в уникальном по безопасности месте – Кремле, окруженном высокими стенами, хорошо охраняемыми латышскими стрелками. Избежав опасности быть остановленным в пути матросами, возмнившими себя хозяевами положения и остановленными только пулеметами латышей, охранявших поезд с беглецами, Ленин приехал 10 марта 1918 г. в Москву и, переночевав в гостинице «Националь» на углу Моховой и Тверской улиц, в полдень следующего дня появился в Кремле, где его, как оказалось, никто не ждал – настолько тайно был совершен переезд. Он тут же стал присматривать помещения для себя и своих соратников, осведомился, сохранились ли сокровища Оружейной палаты и царских дворцов, и на всякий случай приказал усилить охрану и даже озаботился подземными ходами, лично назначив трех человек, которым разрешил осмотреть их.

Тогда же начались ремонт Кремля, восстановление поврежденных обстрелом зданий и приспособление их для нужд новых хозяев. Здания заняли солдаты и чиновники, а так как новые хозяева передвигались только на автомобилях, конфискованных везде, где только было можно, их свезли в Кремль, где устроили три крупных автомобильных хозяй-

ства: 1-й автобоевой отряд имени Я.М. Свердлова, гараж особого назначения (ГОН) и гараж военной школы имени ВЦИК. С того времени и до середины 1940-х гг. особым уважением большевиков пользовались американские автомобили марки «Паккард» с весьма характерным сигналом, который безошибочно узнавали москвичи, спешившие убраться с проездной части улиц, по которым проносились вереницы этих автомобилей. В Кремле, уникальном, музейном, священном месте, долгое время хранились большие запасы автомобильных топлива и масел, что могло быть постоянным источником губительных пожаров: «Хранение горючих жидкостей под общежитием курсантов школы имени ВЦИК, а в особенности бензохранилища Автобоевого отряда в основании памятника, вмещающего более 1000 пудов бензина, ежеминутно угрожает взрывом со всеми ужасающими последствиями такового, вплоть до взрыва всей территории Кремля». Бензохранилища вывели только в начале 1940 г.

Вскоре после переселения коммунистов в Кремль он превратился в помойку. Вот строки из приказа управляющего делами Совета народных комиссаров от 14 октября 1918 г.: «Грязь на дворах и площадях, домах, лестницах, коридорах и квартирах ужасающая. Мусор от квартир не выносятся неделями, стоит на лестницах, распространяя заразу. Лестницы не только не моются, но и не подметаются. На дворах неделями валяется навоз, отбросы, трупы дохлых кошек и собак». Приходилось грозить, что новые жители «будут от-

вечать перед суровым революционным законом».

В 1918 г. починили куранты, заигравшие коммунистический гимн «Интернационал», и тогда же начали снос памятников – Ленин лично накинул веревку на васнецовский крест-памятник, поставленный на месте убийства великого князя Сергея Александровича, и вместе с толпой своих приспешников свалил его. В том же 1918 г. сняли фигуру императора в ансамбле памятника Александру II. Особенное раздражение вызывали насельники кремлевских монастырей: они, видите ли, «подчинялись собственному уставу и своим властям. С нашими правилами и требованиями считались мало, свою неприязнь к Советской власти выражали чуть не открыто». Комендант Кремля матрос Мальков пошел к Свердлову, который с одобрения Ленина тут же приказал всех выселить: «Давно, говорит, пора очистить Кремль от этой публики». Монастыри закрыли, подлинных хозяев выгнали и в наглухо запечатанной цитадели устроили квартиры для наиболее приближенных к власти, откуда они, потеряв доверие, немедленно выселялись либо на улицу Грановского в так называемый 5-й Дом Советов, либо позже в мрачный «Дом правительства» на улицу Серафимовича, либо на тот свет...

После переезда в Москву Ленин жил в Кавалерском корпусе, где ранее квартировали кремлевские служащие, на Дворцовой улице (она еще называлась Комендантской, а в советское время Коммунистической), которая находится ря-

дом с Троицкой башней и проходит параллельно Кремлевской стене. Вместе с ним поместился и Троцкий, который вспоминал: «...с Лениным мы поселились через коридор... мы по десятку раз на день встречались в коридоре и заходили друг к другу обменяться замечаниями, которые иногда затягивались минут на десять и даже на четверть часа – а это была для нас обоих большая единица времени. У Ленина была на тот период разговорчивость, конечно на ленинский масштаб. Слишком много было нового, слишком много предстояло неизвестного, приходилось перестраивать себя и других на новый лад. Была поэтому потребность от частного переходить к общему, и наоборот. Облачко брест-литовских разногласий рассеялось бесследно. Отношение Ленина ко мне и членам моей семьи было исключительно задушевное и внимательное. Он часто перехватывал наших мальчиков в коридоре и возился с ними». Кавалерские корпуса разрушили перед постройкой Дворца съездов, за исключением небольшого строения у перехода с Зимним садом Большого Кремлевского дворца, на котором находится мемориальная доска (не в память Троцкого).

С апреля 1918 г. Ленин переселился в здание Сената, на третий этаж, где у него были кабинет и квартира из четырех комнат. Здесь был открыт музей, который переместили в Горки Ленинские.

В Кавалерских корпусах имели квартиры также В.Д. Бонч-Бруевич (управляющий делами Совнаркома), М.И. Ка-

линин, В.М. Молотов, Г.Е. Зиновьев, А.И. Микоян, А.А. Андреев, А.А. Жданов, Н.А. Вознесенский.

Другие видные большевики устроились в Большом Кремлевском дворце: в так называемой Детской половине (часть дворца, выходящая на правую сторону Императорской площади) были квартиры Я.М. Свердлова, А.И. Рыкова (в 1919–1924 гг.), Л.М. Кагановича, а в Апартаментах (напротив, рядом с Оружейной палатой) – А.И. Рыкова (с 1924 г. до сентября 1936 г.) и К.Е. Ворошилова.

Сталин поменял несколько квартир в Кремле. Сразу после переезда в Москву он, как и Ленин с Троцким, поселился в Кавалерском корпусе, на втором этаже, потом во Фрейлинском коридоре Большого Кремлевского дворца, а в январе 1921 г. ему дали (при помощи Ленина: Троцкий писал, что «в Кремле, как и по всей Москве, шла непрерывная борьба из-за квартир, которых не хватало») квартиру, в которой ранее жила И.Ф. Арманд, в Потешном корпусе (№ 6), ближайшем к Троицкой башне, на Дворцовой улице.

После самоубийства жены Сталин обменялся квартирами с Бухариным, позднее переехав на первый этаж здания Сената, но бывал там нечасто, уезжая, как правило, в подмосковную «ближнюю» дачу в Волинском.

Кремлевская звезда, выполненная из рубинового стекла

Сталин усилил охрану своей резиденции и приказал построить на месте двух древнейших монастырей – Чудова и

Вознесенского – большое здание для школы кремлевских курсантов-охранников. Тогда, в конце 20-х – начале 30-х гг., снесли ценнейшие памятники русского искусства, но исчезли не только эти два монастыря, но еще и несколько церквей – Благовещения и Святого Константина и Елены и вместе с ними Спасский собор. Для собраний коммунистов уничтожили два великолепных зала в Большом Кремлевском дворце – Александровский и Андреевский – и устроили один длинный (длиной более 80 м и шириной около 20 м), узкий и некрасивый зал. Новое место для собраний необходимо было снабдить еще и хозяйственными постройками и прочим в том же роде: для этого снесли древний собор Спаса на Бору, стоявший во дворе Большого Кремлевского дворца, и лестницу Красного крыльца у Грановитой палаты, где выстроили заурядное двухэтажное здание столовой, нарушившее строгий облик Соборной площади.

При Сталине добрались и до вершушек кремлевских башен: приняли решение «к 7 ноября 1935 г. снять 4 орла, находящиеся на Спасской, Никольской, Боровицкой, Троицкой башнях Кремлевской стены... К тому же сроку... установить на указанных 4 башнях Кремля пятиконечные звезды с серпом и молотом». Звезды сначала изготовили из уральских самоцветов – аметистов, топазов, аквамарин по рисунку художника Е.Е. Лансере с поправками не художника и не искусствоведа, а генсека И.В. Сталина. Только на позолоту пошло тогда 70 кг золота. Делали их на авиазаводах

под непосредственным руководством оперативного отдела НКВД. Через два года звезды потускнели и их пришлось заменить. В 1937 г. по рисунку художника Ф.Ф. Федоровского сделали звезды из рубинового стекла с мощными, от 3,5 до 5 кВт, лампами внутри, и к ноябрю они уже стояли на пяти кремлевских башнях. Давно необходимо было бы убрать эти символы советского прошлого и заменить их историческими двуглавыми орлами.

Любопытно отметить, что Кремль при советской власти был не только местом для работы и жительства коммунистических чиновников, но и местом хранения золотого запаса – они не желали на всякий случай далеко удаляться от него... Но уже через пять дней после начала войны с фашистами его поспешили вывезти из Москвы – почти сразу же после начала войны коммунисты не очень-то надеялись на способность Красной армии обеспечить сохранность золотого запаса.

Уже в половине девятого утра первого дня войны ввели «усиленную охрану и оборону Кремля», а 26 июня начали работы по его маскировке. Первая бомбардировка произошла 22 июля – бомба в четверть тонны весом попала в Большой Кремлевский дворец, пробила перекрытие Георгиевского зала, но, к счастью, не разорвалась, а во время других налетов бомбы попали в Арсенал, часть его была разрушена, и тогда было убито и тяжело ранено более почти 100 человек. С ноября 1941 г. фашисты, учитывая малую эффективность зажигательных, перешли только на фугасные бом-

бы. Тогда бомбардировки были очень частыми, случалось по 5–6 тревог в сутки, и бомбы иногда сваливались и без объявления тревог.

Последняя бомбардировка произошла 28 марта 1942 г., и надо сказать, что в общем бомбардировки не произвели в Кремле серьезного ущерба. Было сброшено более 150 зажигательных и 15 фугасных бомб, из которых только одна не взорвалась.

Значительно более серьезный ущерб произвели действия наших руководителей в мирное время: при Хрущеве, которого уже не удовлетворял зал для заседаний в Большом Кремлевском дворце, понадобилось еще большее помещение для съездов коммунистов. В 1961 г. на месте старого здания Оружейной палаты, Кавалерских, Гренадерского и Офицерского корпусов возникло сооружение из серых бетонных блоков, вылезшее из-за Кремлевской стены рядом прямоугольных окон. Дворец съездов, как его назвали, предназначался для очередного XXII съезда коммунистов, и как раз к открытию его здание было готово.

После развала Советского Союза Кремль начал обновляться, но в хорошем смысле этого слова: сломали нелепое здание столовой и восстановили великолепное Красное крыльцо, а в здании Большого Кремлевского дворца возникли вновь оба зала – Андреевский и Александровский.

Однако надо сказать, что национальная архитектурная и историческая сокровищница, по сути дела, остается недо-

ступной для посетителей: насмешкой звучит статья действующей Конституции России: «Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям». А многие коренные москвичи так и не знают, где находится Императорская площадь, не видели замечательной казаковской ротонды здания Сената и фасада Арсенала, не посещали необыкновенных интерьеров Большого Кремлевского дворца, не ходили по кремлевским стенам, не «ломали» шапку в Спасских воротах. Кремль на протяжении многих лет аналог знаменитого Запретного города в столице китайской империи Пекине – все закрыто для обычного гражданина, доступ открывается только по личному разрешению власть имущих, и таким образом жемчужина русской истории, русской архитектуры, русского искусства, присвоенная невежественными властями, отобрана у народа.

И главная причина этому – то, что, в отличие от лондонского Тауэра, дворцов Версаля и Фонтенбло, пражского Вышеграда, венского Хофбурга, десятков и сотен средневековых крепостей Западной Европы, давно превращенных в музеи, Кремль является собственностью верхушки властей и спецслужб, считающих себя истинными хозяевами. Когда историки, архитекторы, реставраторы обратились с просьбой познакомить их с тем, что делается с Сенатом, когда он переделывался для президента, то им ответили, что это не их дело. Проход в Кремле ограничен строго очерченным

маршрутом – один шаг в сторону, и тут же раздается свисток охранника в штатском, а ведь Кремль в царское время был местом народного гулянья, где собирались десятки тысяч посетителей.

СОВРЕМЕННЫЙ КРЕМЛЬ

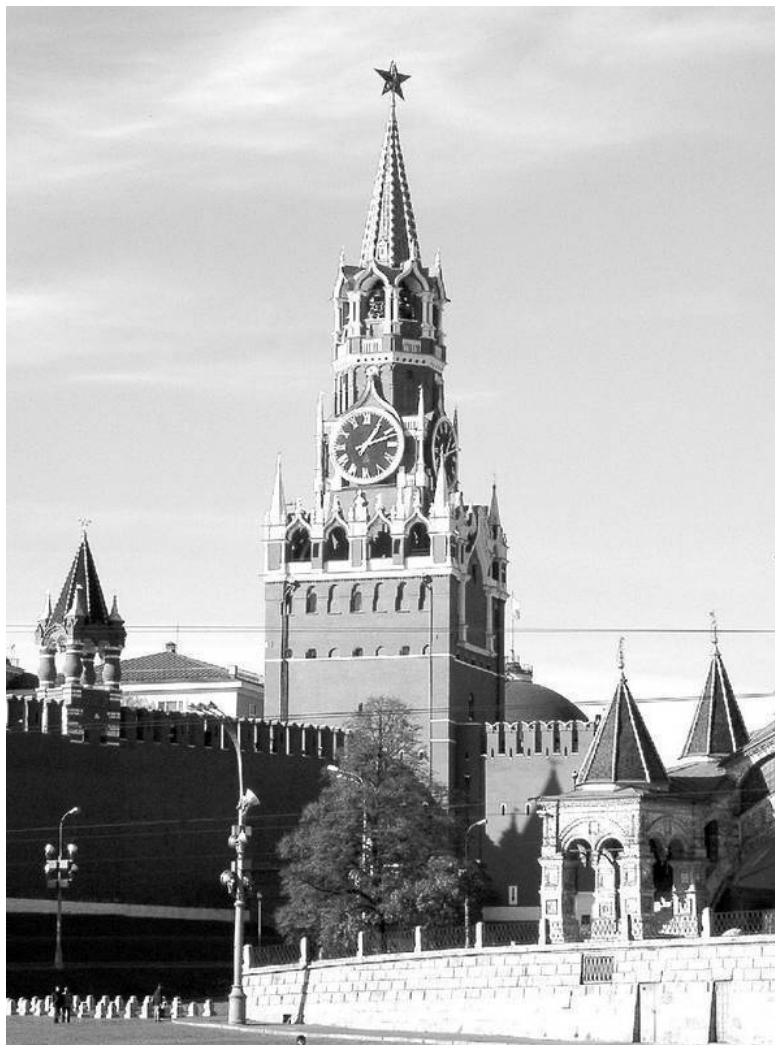
Стены и башни Кремля

Нынешние стены Кремля построены в 1485–1495 гг. Общая протяженность стен 2235 м, они ограничивают площадь 27,5 га. Толщина стен – от 3,5 до 6,5 м, высота их зависит от рельефа местности и составляет от 5 до 19 м.

Оборонительная стена имеет всего 19 башен (не считая отводной Кутафьей башни перед Троицкой проездной и Царской рядом со Спасской). С внутренней стороны по стене идет глухая аркада и поверх ее боевая площадка шириной от 2 до 4 м. Стены завершены зубцами в виде раздвоенных «ласточкиных хвостов» (сверху их покрывала двухскатная деревянная кровля).

Спасская башня (высота Спасской башни до звезды – 67,3 м, а со звездой – 71 м)

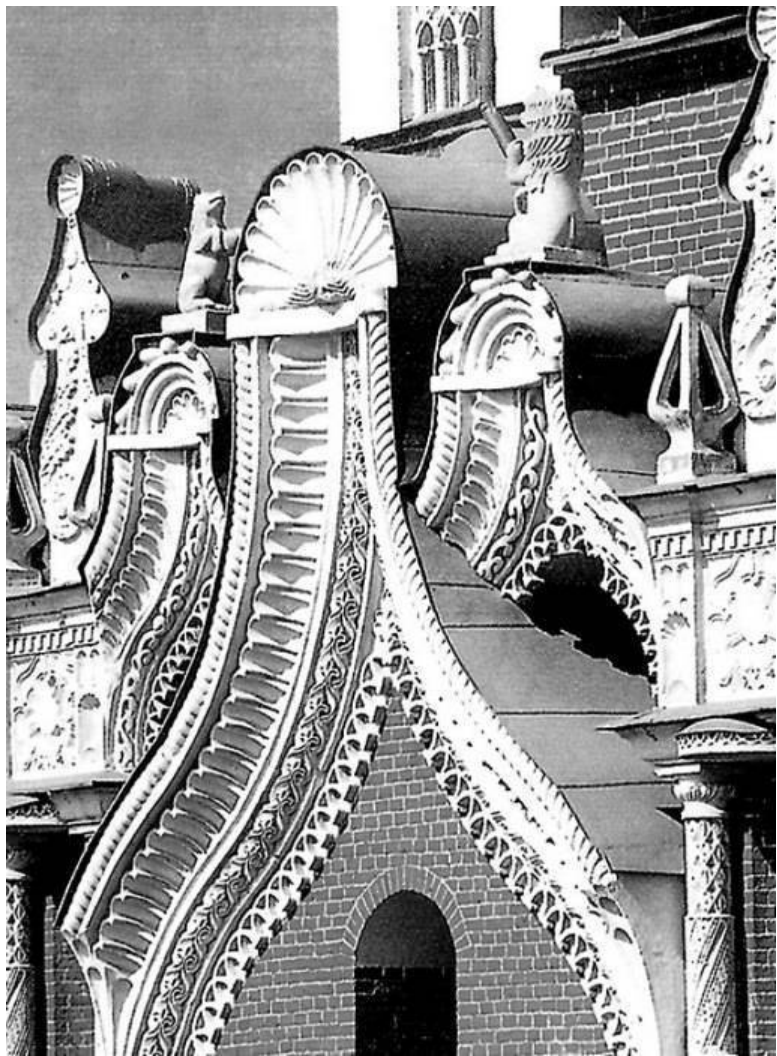
Исторический обзор Кремля историк Иван Егорович Забелин начинает с этой башни: «Итак, снимем шапки и поклонимся старому городу Кремлю перед его старыми воротами».

Спасская (Фроловская) башня с курантами

Спасская башня считается главной кремлевской башней: через ее ворота происходили торжественные выходы царей и патриархов, здесь в Кремль въезжали иностранные послы и совершался торжественный въезд царей на коронацию. Как писал автор популярного путеводителя Москвы XIX в. И.К. Кондратьев, «одним из самых благоговейных предметов уважения почитаются в Москве Спасские ворота, ведущие в Кремль от Лобного места. И действительно, немного найдется мест не только в Москве, но и в России, которые были бы столько веков таких событий свидетелями. Спасские ворота построены в самом сердце Москвы, одною стороною к Лобному месту и Красной площади, другою – в Кремль, где началась и развилась сила и слава России... Тут вообще совершилось столько славного и дивного, что невольно удивляешься этой святыне и благоговеешь перед ней. Но тут бывало немало и того, перед чем содрогается сердце русского человека. Она видела буйные празднества Дмитрия Самозванца, когда он выезжал веселиться со своими ляхами! Она видела кровавые казни на Красной площади при Иоанне Грозном и там же возведенного под секиру палача Василия Шуйского! Тут ездal и Наполеон, завоеватель Европы, и все исторические лица, окружавшие его. События бедственных годин и счастливые, радостные явления – все это напоминают нам

Спасские ворота, которыми проходила, так сказать, вся русская история. Кто без благоговейного чувства смотрит на эти ворота, на эту башню, красноречивую свидетельницу многих веков жизни России, тот не знает нашей истории».

Декоративные белокаменные фигуры львов и медведей на Спасской башне

Башня называлась также Фроловской (или Фрололаврской), так как была выстроена на месте башни Кремля Дмитрия Донского 1367 г., называвшейся тогда, возможно, по церкви Святых Фрола и Лавра, стоявшей неподалеку. Переименовали ее по царскому указу от 17 апреля 1658 г.: «На Москве... ворота писать и называть: в Кремле, которые ворота назывались Фроловскими ворота, и те ворота Спасския». Это название было дано по иконе Спаса Смоленского на башне.

Закладка башни происходила в 1491 г. – она строилась итальянским зодчим Пьетро Антонио Солари. Сначала это было невысокое и приземистое сооружение с деревянным шатром, на котором висел часовой колокол. От башни в сторону Красной площади шла отводная стрельница, а от нее через ров был перекинут подъемный деревянный цепной мост, вместо которого в XVII в. построили каменный.

Эта башня первой получила декоративное завершение: в 1624–1625 гг. англичанин Кристофер Галлоуей и помогавшие ему Виллиам Граф и русский мастер Бажен Огурцов соорудили на ней сложную надстройку из высокого восьмерика и восьмигранного шатра. Спасская башня украсилась стрельчатой аркадой по верху четверика, большими иконны-

ми киотами, острыми вытянутыми пирамидками. Сочетание красного кирпича кладки и белокаменных деталей придало облику башни исключительную декоративность. Среди ее убора есть и белокаменные фигуры львов и медведей (ранее, еще до надстройки и до XVII в., на башне стояли скульптуры Василия Ермолина, из которых одна – святого Георгия – частично сохранилась и теперь находится в Третьяковской галерее), в нишах аркады были помещены изваяния обнаженных человеческих фигур, или, как называли их в Московии, «болванов», но для целомудренных москвичей это было совсем уж непривычно, и фигуры пришлось одевать в обычные тогда одежды – суконные кафтаны, на которые пошло «англинского сукна» разного цвета 12 аршинов. В пожар 1628 г. скульптуры попортились, их сняли и больше уже не восставляли.

В 1650-х гг. на этой башне водрузили герб Московского государства – двуглавый орел, а позже он появился и на других башнях – Никольской, Троицкой и Боровицкой.

Спасская башня с императорскими орлами

Над проездами башни находились мемориальные доски, на которых были вырезаны надписи на латинском (со стороны Красной площади) и русском (с внутренней стороны) языках: «*Ioannes vasilii dei gratia magnus dux volodimeriae moscoviae novogardiae tifieriae plescoviae veticiae ongarie permiae buolgariae et alias totiusque raxiae dominus anno 30 imperii sui has turre condere fecit et statuit petrus antonius solarius mediolanensis anno nativitatis domini 1491 kalendis martiis*», которая переводится следующим образом: «Иван Васильевич божьей милостью великий князь владимирский московский новгородский тверской псковский вятский югорский пермский болгарский и иных земель и всея руси государь в лето 30 своего царствования решил и приказал построить сии башни заложил петр антоний солари миланец в лето от рождества господня 1491 мартовские календы». Простой народ, не знающий латынь, считал, что эта надпись заключает в себе проклятие тем, кто не снимает шапку в Спасских воротах. Русская же надпись читается следующим образом: «В лето 6999 иулиа божиею милостию сделана быст сиа стрелница повелением Иоанна Василевича гдра и самодръжца всея русии и великого князя володимерьского и московского и новгородского и псковского и тверьского и югорского и вятского и пермьского и болгарского и иных в 30 лето гдръства его а делал петр антоние от града медиолана».

Под латинской надписью с наружной стороны находился

образ Спасителя, перед которым склонились святые Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский. Обычай ставить иконы над воротами в качестве оберега был широко распространен на Руси и, возможно, произошел еще с языческих времен – вспомним подковы, прибитые над дверью... Иконы же начинают ставить над воротами довольно поздно, примерно с XVI–XVII вв.

Появление этой иконы было связано с событиями, происшедшими в 1521 г., когда Москва ожидала самого худшего – нашествия войск хана Мегмет-Гирея, который «безвестно и скороустремительно достиже во пределы Руськия» и «достигнути и самый хранимый град Москву». Великий князь покинул Москву, и, как рассказывал посол римского императора Герберштейн, «татары навели такой ужас на москвитов, что женщины и дети и все, кто не мог сражаться, сбегались в крепость, и в воротах возникла такая давка, что они мешали друг другу и топтали друг друга. От множества народу в крепости стояло такое зловоние, что, пробудь враг под городом три или четыре дня, осажденные погибли бы от заразы...». В это время монахине Вознесенского монастыря привиделось, как из Фроловских ворот выходит «народа бесчисленное множество всякого возраста, мужеска полу и женскаго» с иконами, крестами и хоругвями, предводительствуемые московскими святителями, несущими икону Владимирской Богоматери. Навстречу им от торговых рядов направились Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский с во-

просом: «Чего ради исходите из града сего?» – на что они со слезами ответствовали, что покидают Кремль, «понеже людие страх Божий презреша и о заповедях Божиих нерадиша». Их, однако, уговорили вернуться, но предварительно «молитвы сотворили и все страны града крестом осенили». Это видение стало известно всем и вселило в москвичей надежду. Действительно, хан, у которого и сил не было штурмовать город, вскоре же отступил от Москвы, получив письменное обязательство в уплате дани. В память этого события на внешней стороне поставили икону Спаса с припадающими к нему Сергием и Варлаамом, а на внутренней – икону Богоматери с предстоящими святителями Петром и Алексием. Но, однако, вероятнее, что она появилась после взятия Смоленска в 1514 г.

В советское время на месте этой иконы был замазанный штукатуркой киот, но никто не предполагал, что при тотальном уничтожении коммунистами религиозных символов под ней что-то сохранилось. Документов о снятии икон не осталось, тем более об их сбережении. Только недавно стало известно, что в 1924 г. кремлевский строительный отдел получил такое указание: «В пятницу 31.08, в 1 час дня состоится заседание Секретарей ВЦИК тов. Киселева и ЦИК Союза тов. Енукидзе по вопросу снятия икон с Кремлевских стен и башен. Пригласите специалистов из Музейного отдела, кого-либо со стороны, знающих хорошо живопись, явиться ко мне в кабинет». Документов о том, каковы были результаты

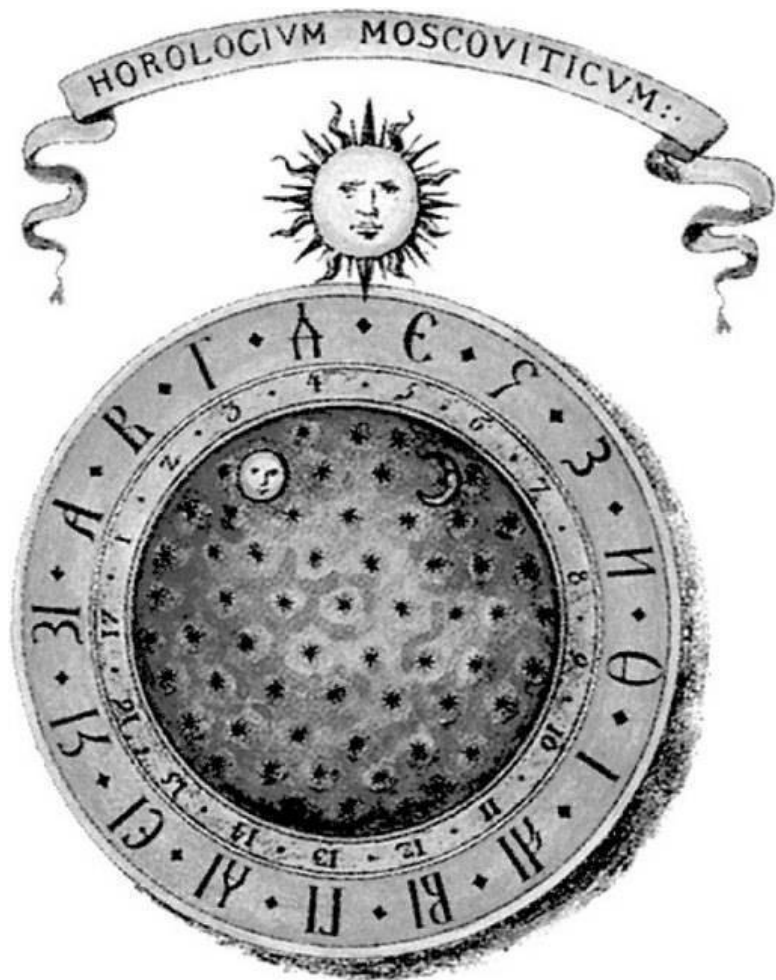
этого совещания, не обнаружено, но думается, что большой ошибки не будет, если рассуждать, что иконы было решено снять. Но вот каким образом оказалось, что иконы сохранились, остается невыясненным, давая этим простор спекуляциям религиозных фанатиков о том, что Бог, отвлекшись в то время от других дел, решил спасти иконы. В 2010 г. надвратные иконы и на Спасской и на Никольской башнях расчистили и отреставрировали.

Куранты на Спасской башне

На Спасской башне обращают на себя внимание огромные циферблаты знаменитых кремлевских курантов. Когда впервые появились часы на Спасской башне, точно неизвестно – возможно, что вскоре после ее возведения. Известно, что в 1585 г. не только при Спасских, но и при Тайницких и Троицких воротах приставлены были часовщики, получавшие годового жалованья по 4 рубля и по 2 гривны на мясо и соль и вдобавок по 4 аршина сукна.

Новые часы на Спасской башне были устроены английским мастером Кристофером Галлоуеем в 1624–1625 гг., а старый механизм продали за 48 рублей ярославскому Спаскому монастырю. Царь щедро наградил английского мастера: 29 января 1626 г. «пожаловал Государь его за то, что он сделал в Кремле-городе на Фроловских воротех башню и часы». Галлоуей получил серебряный кубок, 10 аршинов алого атласу, столько же лазоревой камки (род ткани), 5 аршинов тафты веницейки червчатой (то есть венецианской тафты красного цвета), 4 аршина красно-малинового сукна, сорók (мера счета шкурок) соболей на 41 рубль, сорók куниц на 12 рублей.

Старинные куранты Спасской башни, XVII в.

Это был огромный механизм с циферблатами диаметром свыше 5 м, выходящими на Красную площадь и в Кремль, на голубом фоне их сияли жестяные звезды и золоченые изображения луны и солнца. Окружность циферблата разделили на 17 часов, каждый из которых помечался славянской буквой – аз, буки, веде, глаголь и т. д. (буквы обозначали цифры), а также и арабской цифрой. Счет времени велся по дневному и ночному периоду – дневной счет начинался с первым лучом солнца, а ночной – с последним, и, соответственно, два раза в сутки часовщик переводил счет времени. В связи с этой немаловажной обязанностью можно привести выдержку из любопытного документа XVII столетия, в котором излагалась жалоба на вдову часового мастера Данилова Ульяну, которая заменила мужа. Часовщик соседней Троицкой башни Григорий Алексеев написал, что «вдова Улита бездетна и безродна и живет на той Спасской башне и часы держит она, вдова Улита, не уставно». А вот как именно «не уставно», часовщик объяснил так: «...по многие времена часы мешаютца. Перед отдачею часов дневных и ночных бывает у ней один час продлитца против дву часов, а в денное время бывает в одном часе два часа поскорит».

Через несколько месяцев после установки часов, в мае того же года, весь Кремль охватил пожар: и башню и часы надо было строить заново. За дело принялся тот же Галлоуей, закончивший ремонт через два года:

«Над воротами возвышается громадная башня, высоко возведенная на прочных основаниях, где находились чудесные городские железные часы, знаменитые во всем свете по своей красоте и устройству и по громкому звуку своего большого колокола, который слышен был не только во всем городе, но и в окрестных деревнях более чем на 10 верст...»

Но это был не последний пожар: в 1654 г. на башне сгорели все деревянные детали, часовой колокол упал и проломил своды. Вот что рассказывал очевидец об этом, а также о реакции царя Алексея Михайловича: «...по зависти диавола загорелись деревянные брусья, что внутри часов, и вся башня была охвачена пламенем вместе с часами, колоколами и всеми их принадлежностями, которые при падении разрушили своею тяжестью два свода из кирпича и камня, и эта удивительная редкостная вещь, восстановление которой в прежний вид потребовало бы расхода более чем на 25 000 динаров на одних рабочих, была испорчена. И когда взоры царя упали издали на эту прекрасную сгоревшую башню, коей украшения и флюгера были обезображены и разнообразные, искусно высеченные из камня статуи обрушились, он пролил обильные слезы, ибо все эти события были испытанием от Творца – да будет возвеличено Его имя».

Барон Мейерберг, посол австрийского императора, побывавший в Москве в 1661–1662 гг., писал, что они «показывают часы дня от восхода до захода солнца. В летний солнцеворот, когда бывают самые длинные дни, часы эти пока-

зывают и бьют до 17, и тогда ночь продолжается 7 часов. Прикрепленное сверху к стене неподвижное изображение солнца образует стрелку, показывающую часы, обозначенные на вращающемся часовом круге. Это самые богатые часы в Москве».

Часы заменили в начале XVIII в. В 1702 г. Петр I во время путешествия по Западной Европе заказал новые, современные часы в Голландии, которые через два года привезли морем в Архангельск, а оттуда доставили на 30 подводах в Москву, где и установили в 1709 г. В XVIII в. часы много раз чинили, пока не решили снять, а на их место установить часы, найденные в Грановитой палате. Работу эту в 1770 г. выполнили немецкие часовщики, и вот курьез – они, пользуясь незнанием русскими немецкого языка, из озорства набрали на музыкальном барабане курантов мелодию легкомысленной песенки «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин».

Эти часы во время опустошительного пожара 1812 г. перестали действовать. Починить их предложил часовщик Яков Лебедев «своим коштом, материалами и рабочими людьми». Работал он в продолжение двух лет и в 1815 г. пустил часы. Они исправно показывали время до середины XIX в., пока не пришлось их капитально ремонтировать, что и было выполнено фирмой братьев Иоганна и Николая Бутенопов. Фирма прежде всего была известна сельскохозяйственными машинами, производимыми заводом на Мясниц-

кой улице, но также делала и башенные часы.

В 1852 г. часы были пущены в ход. Тогда заново изготовили многие детали часов, и, в частности, наружные циферблаты, а также чугунную станину часового механизма весом 1500 пудов (24 т). Диаметр циферблата часов – 6 м 12 см, высота цифр – 72 см, длина часовой стрелки – 2 м 97 см, минутной – 3 м 28 см. Куранты исполняли две музыкальные пьесы: утром полковой «Преображенский марш» и вечером «Коль славен наш Господь в Сионе» Дмитрия Бортнянского.

Иные времена настали с переворотом 1917 г. В те дни Кремль подвергся обстрелу, от которого пострадали и Спасская башня и куранты. Как писал очевидец, «Спасская башня пробита и расстреляна. Знаменитые часы с музыкальным боем разбиты и остановились. Остановилась и стрелка часов в ту роковую минуту, когда ворвался тяжелый снаряд в стены Кремля и наложил несмываемое пятно крови и позора на это священное сердце Москвы».

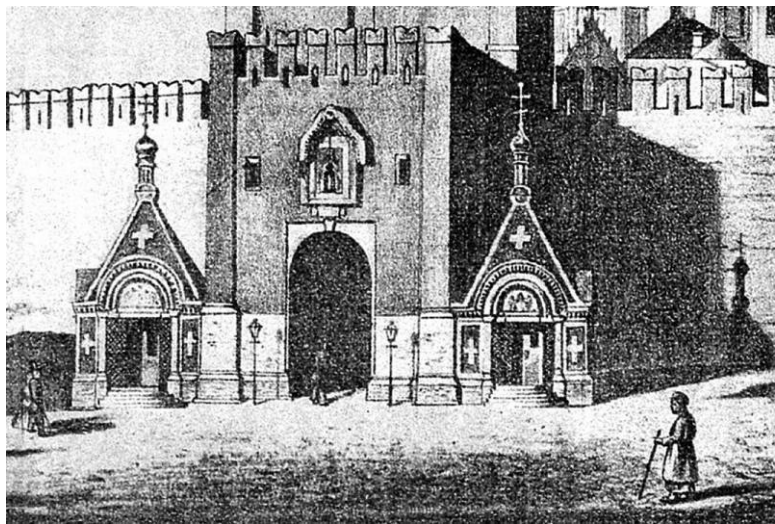

Спасские ворота

После переезда из Петрограда в 1918 г. новое правительство начало обустраивать свою новую резиденцию. Куранты восстанавливал слесарь Н.В. Беренс: надо было изготовить новый маятник, восстановить шестерни, заделать пробойну на циферблате, изготовить минутную стрелку, а также подобрать новую мелодию, что и сделал художник М.М. Черемных. Куранты играли «Интернационал»; известно также, что до 1932 г. они исполняли революционную песню «Вы жертвою пали». С февраля 1937 г. исполнение «Интернационала» было прекращено якобы потому, что износился музыкальный барабан. В 1995 г. решили возродить мелодию курантов, и к инаугурации Б.Н. Ельцина на второй президентский срок в 1996 г. куранты стали играть «Патриотическую песнь» и «Славься» Михаила Глинки.

С 2001 г. куранты проигрывают старый, еще сталинский гимн, но верится, что все вернется на круги своя и над Красной площадью прозвучат и «Преображенский марш» и «Коль славен...».

Со Спасскими воротами связан старинный обычай – снимать головной убор, проходя в ворота. Все, даже не исключая самого царя, должны были спешиться и обязательно снять шапку в воротах. По рассказам, тех, кто этим пренебрегал, заставляли класть 50 земных поклонов перед образом Спаса.

Часовни у Спасских ворот

Хотя считается, что этот обычай пошел с указа царя Алексея Михайловича, но возможно, что он только узаконил старую традицию, которая, по мнению историка И.Е. Забелина, утвердилась из-за уподобления главных ворот Кремля святым монастырским воротам, а сам Кремль – монастырю. Но скорее всего, так установилось после того, как на новой башне поставили две спасские иконы, а среди народа ходили рассказы, что надпись на непонятном языке с наружной стороны ворот содержит не что иное, как проклятие нарушившим это правило.

Рассказывалось, как один любознательный англичанин задумал выяснить, насколько ревностно оно соблюдается: он, «притворившись незнающим, вошел в ворота в шапке. Часовой окликнул его, но, не обращая внимания на часового, он шел вперед. Повстречавшийся ему крестьянин, идущий с непокрытой головой, увидев его в шапке, с громкими выражениями негодования собрал часовых и народ; те, схватив его, очень быстро научили, как в будущем надо проходить Святыя Ворота».

Традиция эта продержалась до Октябрьского переворота в 1917 г., когда сразу же после занятия Кремля Спасские ворота, как, впрочем, и весь Кремль, были закрыты. Очевидец отмечал, что «теперь там стоит вооруженная стража с папиросами, ругается с прохожими и между собой площадной бранью». Теперь никто уже не помнит слов поэта Федора Глинки:

Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот!

Со стороны Красной площади слева и справа от проезда Спасской башни стояли две небольшие часовни. Сначала тут находилась только одна небольшая деревянная сторожка, предназначенная для «сокрытия служащего молебны причта от непогоды». Молебны перед иконами на башне служил причт Покровского собора. В 1802 г. причт просил постро-

ить уже каменную часовню, а Кремлевская дворцовая экспедиция рассудила выстроить вместо одной часовни для симметрии две. Тогда же по проекту В.И. Баженова был приставлен совершенно неподходящий к древним Спасским воротам классический портал, доживший до 1867 г., когда его сняли и переделали оба строения у ворот, ставшие со временем не просто помещениями для причта, а часовнями с иконами, где проводились службы. В следующем году выстроили новые здания часовен. С левой стороны – Спасская с большим образом Спаса, почти точной копией иконы на воротах; с правой – Смоленская с иконой Смоленской Богоматери. Обе часовни уничтожены в 1925 г.

Царская и Спасская башни

Долгое время через Спасские ворота проезжали лишь автомобили новых руководителей, в хрущевские времена их на короткое время открыли для прохода в Кремлевский театр, а теперь они вообще закрыты и для проезда и для прохода. Но не теряется надежда на то, что в Спасские ворота еще можно будет войти и снять головной убор в воспоминание и уважение старинных обычаев.

Царская башенка (высота башенки от ходовой части

стены – 14,5 м) В противоположность всем другим кремлевским башням, Царская не имела боевого оборонительного назначения: стоящая прямо на стене, она явно декоративна – это даже не башня, а шатер, поставленный на стену. Судя по старинным изображениям Кремля, на ее нынешнем месте находилась деревянная вышка, с которой, согласно легенде, царь Иван Васильевич Грозный наблюдал, что происходит на Красной площади.

Существующая изящная башенка выстроена тогда, когда Кремль получил новый облик и когда суровые коренастые башни надстраивались шатровыми завершениями. В 1680 г. на стене появилась башенка-теремок: четыре кувшинообразных столба поддерживают восьмигранный шатер с позолоченным флюгером; арки проема оживлены малыми арками с висячей гирькой, а вокруг шатра выстроились небольшие башенки с островерхими фронтонами.

Набатная башня (высота башни – 38 м)

Построена в 1490-х гг., а в 1676–1686 гг. ее надстроили четырехгранным шатровым завершением, покрытым зеленой поливной черепицей. Формы этого шатра очень схожи с шатром Средней Арсенальной башни.

Название Набатная башня получила потому, что на ней висел набатный колокол, в который звонили в чрезвычайных ситуациях, и, в частности, при пожаре. Он назывался Спасским набатом (по соседней Спасской башне). Вот в 1674 г. воротник ее сообщил, что «когда горел стрелецкий приказ,

то земские ярышки (тогдашние полицейские. — *Авт.*) били в набатный колокол, что у Спасских ворот, и после того колокол оказался разбитым». Его перелил знаменитый колокольный мастер Иван Моторин: на колоколе есть надпись, гласящая, что «1714 года июля в 30 день вылит сей набатный колокол из старого набатного колокола, который разбился, кремля города к Спасским воротам. Весу в нем 150 пудов. Лил сей колокол Иван Моторин».

С этим колоколом связаны события Чумного бунта 1771 г.: в колокол зазвонили, призывая народ, отчаявшийся найти действенную помощь перед «черной смертью», собираться и идти громить власти и убивать врачей. После подавления бунта у колокола по приказу Екатерины отняли язык, и он, немой, еще висел на башне в течение 30 лет, пока во время ремонта его не сняли и не перенесли в Арсенал, откуда в 1851 г. колокол поместили в Оружейную палату.

Константино-Еленинская башня (высота башни — 36,8 м)

В мощном, суровом четверике видны зримые следы ее долгой истории: полускрытая наслоениями земли, изгибается арка заложённых ворот, над ней ниша, где находилась икона, рядом можно увидеть остатки вертикальных щелей, через которые пропускались механизмы подъемного моста.

На ее месте стояла Тимофеевская башня Кремля, выстроенная Дмитрием Донским, чьи полки, направлявшиеся на Куликово поле, выходили в 1380 г. через ворота этой баш-

ни. Дорога, проходившая через ворота, соединяла Кремль с посадом, с пристанями у Москвы-реки, с Великой и Варварской улицами, поэтому башня имела важное оборонительное значение: перед ней выстроили отводную стрельницу, проход в которую был по подъемному мосту, перекинутому через ров.

Константино-Еленинская, Набатная, Царская и Спас-ская башни

Тимофеевскими ворота назывались по двору Тимофея Васильевича из рода московских тысяцких, видного полководца, участвовавшего в битве на Куликовом поле «великим воеводой», подписавшимся вторым под завещанием великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Тимофей Васильевич, возможно, пожертвовал часть своего двора Кирилло-Белозерскому монастырю под подворье, которое, как известно, располагалось слева при входе у Спасских ворот. Это предположение тем более основательно, так как Кирилл Белозерский, основатель монастыря, был не кем иным, как родственником Тимофея, воспитывавшимся у него дома.

Существующая башня построена в 1490 г. зодчим Пьетро Антонио Солари; она получила название по находившейся рядом в Кремле церкви Святых Константина и Елены. Башня имела отводную стрельницу (наподобие Кутафьей у Троицкой башни). В 1680 г. ее надстроили шатровым верхом на арочном основании, в то же время заложив проездные ворота, а в отводной стрельнице устроили пыточный застенок, поэтому она получила название Пыточной.

Ожидая нападения шведского короля Карла XII на Москву после поражения под Нарвой, Петр I приказал укрепить город, и тогда на Константино-Еленинской башне растеса-

ли бойницы для установки пушек, но шведы повернули на Украину, и они не понадобились. Совсем исчезли признаки боевого назначения башни в конце XVIII – начале XIX в., когда разобрали и стрельницу и мост через ров, а ворота заложили.

Беклемишевская башня (высота башни – 46,2 м)

В Московском Кремле две такие изящные и стройные башни: эта и Водовзводная, обе отмечающие края приречной стороны крепости. Называлась башня еще Москворецкой – по близости к одноименному мосту, а Беклемишевской ее назвали потому, что рядом, за Кремлевской стеной, находился двор бояр Беклемишевых.

Никита Беклемишев участвовал воеводой в походе в 1469 г. против Новгорода, в 1474 г. был послан к крымскому хану Менгли-Гирею послом от государя Ивана III. Сын его Иван, по прозвищу Берсень, к которому перешел кремлевский двор, также исполнял посольские поручения: так, в 1490 г. он встречал в Химках посла Священной Римской империи, а через два года поехал послом к польскому королю; в 1502 г. – в Крым. Если при Иване III он пользовался доверием государя, то при его сыне, Василии III, стоял за старые боярские порядки, говоря: «Как пришла сюда мати Великого Князя Великая Княгини Софья... такъ наша земля замешалася и пришли нестроения великие». Он считал, что «которая земля перестанавливает обычьи свои, и та земля недолго стоит». О этих речах стало известно великому князю, и

вольномыслие боярина дорого ему обошлось – казнили его на Москве-реке недалеко отсюда, у Москворецкого моста.

Беклемишевским двором власти пользовались как тюрьмой. Там в 1472 г. сидел венецианский посол «Иван именем, Тривизан прозвище» за то, что намеревался без разрешения проехать через Московию к золотоордынскому хану: «...князь же великий велел сковати его, а сидел у Микиты у Беклемишева». Тогда в Венецию отправили русского посла, наказав ему спросить у венецианского дожа: «Зачем это ты так сделал, с меня честь взял? Тайно через мою землю шлешь посла, мне не сказавши?» Дож прислал извинения и просил отпустить посла, что и было исполнено.

В 1537 г. сюда же посадили жену Андрея Ивановича, князя Старицкого, родного дяди государя Василия III, с ее малолетним сыном Владимиром, а бояр князя тоже арестовали, но заключили «в наугольной Беклемишевской стрельнице», где они и были «пытаны».

Петровская и Беклемишевская башни

Башню построил итальянский зодчий Марк в 1487–1488 гг. на том же месте, где стояла угловая башня Кремля времен князя Дмитрия Донского. Так же как и в Водовзводной башне, в Беклемишевской находился колодец-тайник. В 1680 г. на башне построили красивое завершение – восьмирик с шатром, на вершине которого находится смотрильная вышка, заканчивающаяся еще одним шатриком.

Верх ее пострадал при варварском обстреле Кремля артиллерией мятежников в ноябре 1917 г. и восстановлен в 1918 г. архитектором И.В. Рыльским.

При осмотре приречной стороны Кремлевской стены обращает на себя внимание то, что небольшой участок стены – от угловой Беклемишевской башни и до Тайницкой – защищен тремя оборонительными сооружениями: Петровской и двумя Безымянными башнями. Такое скопление башен объясняется тем, что эта сторона, ближняя к Москворецкому мосту, была более всего подвержена возможному нападению вражеских войск и поэтому башни были поставлены теснее, чем обычно.

Петровская башня (высота башни – 27,2 м)

Башню, построенную в 1480-х гг., называли так потому, что на ее втором этаже некогда находилась церковь Святого Петра Митрополита, принадлежавшая стоявшему рядом по-

дворью Николо-Угрешского монастыря. По монастырю башня еще называлась Угрешской. Для строительства Большого Кремлевского дворца и башню, и монастырское подворье разобрали. После прекращения стройки башню восстановили, а вот подворье нет, и в XIX в., «по забвению старины», как писал историк Кремля С.П. Бартенев, башню стали именовать просто Безымянной. Он же отмечал, что Петровскую башню от ее соседок отличают форма шатра и то, что она «носит характер какой-то старозаветности».

Эту башню, как и многие другие, разрушали и восстанавливали несколько раз: в 1612 г. она очень пострадала от обстрела пушками московского ополчения при осаде Кремля, занятого польскими войсками; в 1812 г. ее разрушили до основания отступавшие наполеоновские войска; восстановили ее через шесть лет.

Надстроена она была в 1676–1686 гг. Кремлевские садовники использовали башню для хозяйственных нужд.

2-я Безымянная башня (высота башни – 30,2 м)

Выстроена в 1480-х гг., а через 200 лет надстроена четвериком с четырехгранным шатром – все завершение похоже на соседние 1-ю Безымянную, Тайницкую и Благовещенскую башни, стоящие по берегу Москвыреки. В нижней части ее помещалась кузница и находились проездные ворота, которые, согласно описи 1701 г., были заделаны тесом и загорожены железной решеткой.

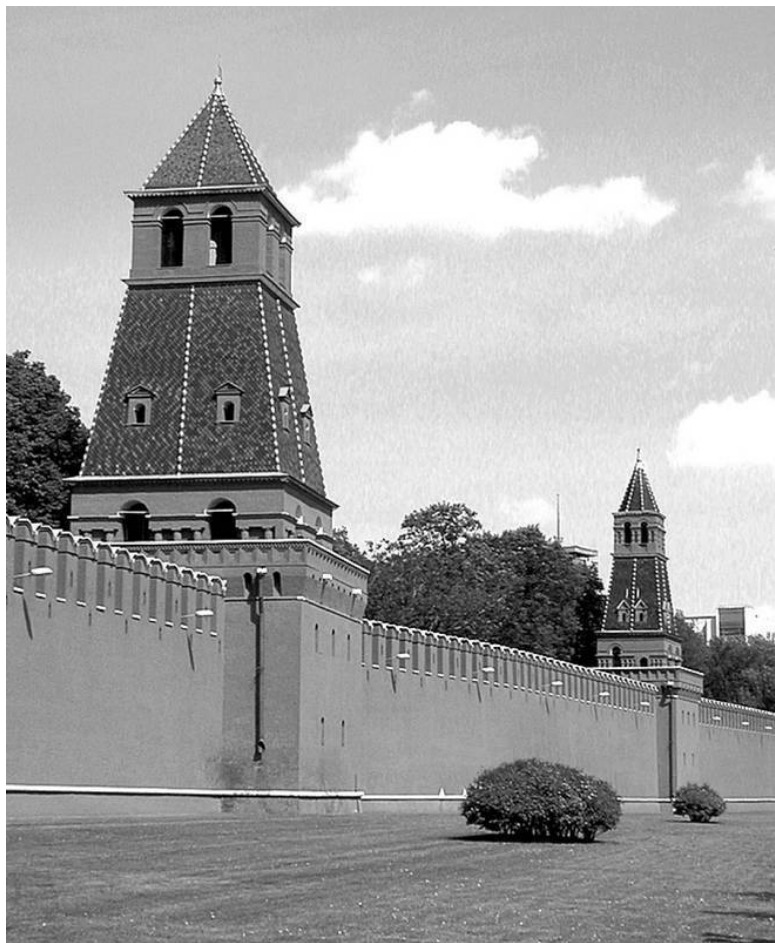
Вместе с другими башнями на южной стороне, ее снесли

при намечавшемся строительстве Кремлевского дворца, но потом восстановили.

1-я Безымянная башня (высота башни – 34,2 м)

Так же как и другие башни на приречной стороне, она была возведена в 1480-х гг. В 1547 г. в Москве случился страшный пожар: 12 апреля занялась лавка в Москательном торговом ряду, оттуда огонь перекинулся на остальные ряды. Во время пожара взорвались хранившиеся в башне запасы пороха и «у реки у Москвы стрельницы загорешася зелие пушечное, и от того розорва стрельницу и размета кирпичье по берегу реки Москвы и в реку».

Башню восстановили, но в 1770 г. разобрали специально для строительства нового Кремлевского дворца, а после построили заново, но уже поближе к Тайницкой башне; еще раз ее восстанавливали после французов, взорвавших башню при отступлении.

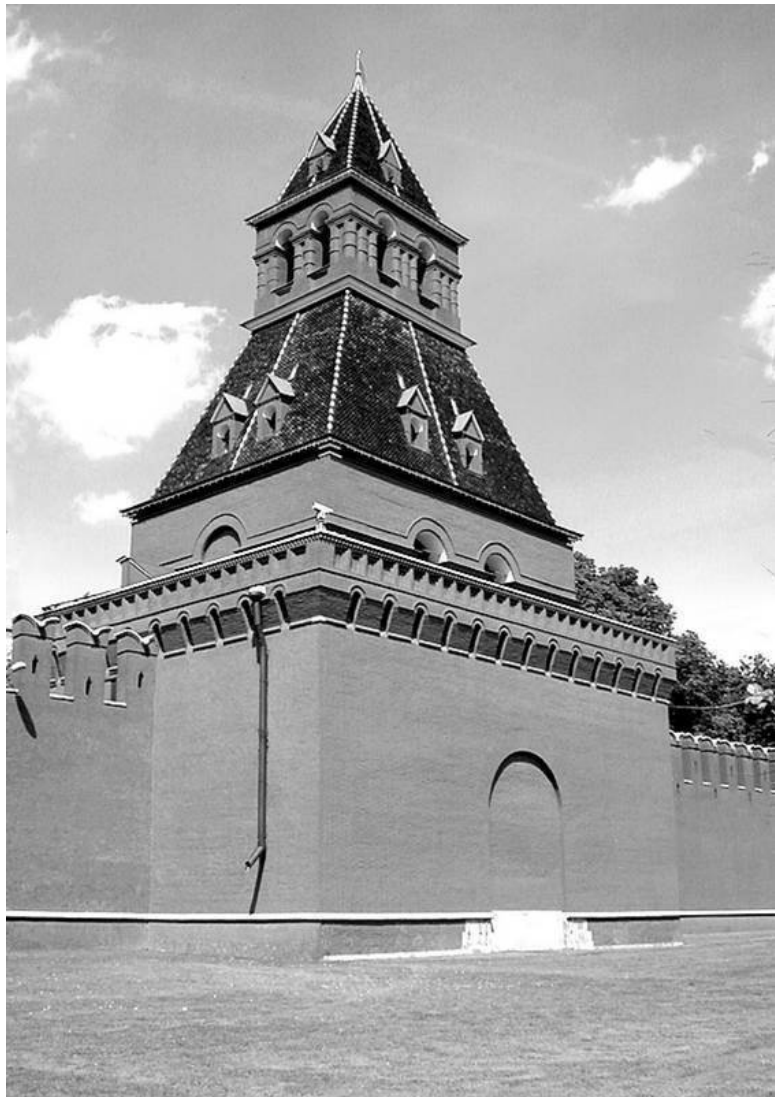

2-я Безымянная и 1-я Безымянная башни

Тайницкая башня (высота башни – 38,4 м)

Именно с этой башни итальянский зодчий начал строительство новой крепости: в 1485 г. «того же лета июля в 19 день заложена бысть на Москве на реке стрелница, а под стрелницею выведен тайник, а поставил ее Онтон фрязин». Зодчий Антон заложил башню с колодцем и тайным выходом к реке – отсюда ее название; ворота также назывались Водяными. Башня строилась на месте древних, еще Дмитрия Донского, так называемых Чешковых (или Шешковых, Чушковых) ворот, которые были названы, вероятно, по двору Чешки, боярина князя Даниила Галицкого.

Она занимала центральное положение в системе обороны крепости со стороны реки, и впереди нее построили отводную башню-стрельницу, от которой шел каменный мост к проездным воротам. На башне до 1674 г. были часы и колокола, а при часах состояли часовщики, жаловавшиеся как-то, что им забывали выдавать жалованье (давняя традиция!). Вот в 1651 г. часовщик Митька Потапов молит царя: «Милосердный Государь царь великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, своим царским годовым денежным жалованием и сукном (тут сделана пометка дьяком: „Сукно дано“. – *Авт.*) против прежняго своего Государева указу на нынешней на 159 год, чтобы мне, холопу твоему, в конец не погибнуть, и голодною смертью не умереть, и твоей царской службы не отбыть. Царь Государь, смилуйся, пожалуй».

Тайницкая башня

При попытке построить в Кремле огромный дворец Баженов в 1770 г. сломал башню, но вскоре пришлось воссоздать ее заново – в 1783 г., но без отводной стрельницы, которую восстановили в 1862 г. в древнерусских формах по проекту архитектора П.С. Кампиони. На плоской платформе башни поставили пушки для салютов.

Большевики опять сломали отводную стрельницу; тогда же засыпали древний колодец внутри и заложили проездные ворота.

Благовещенская башня (высота башни – 30,7 м)

Удивительно, что большевики не переименовали кремлевские башни, их названия – Троицкая, Благовещенская, Никольская, Спасская – удержались во время решительной борьбы на всех фронтах с религией, «опиумом для народа».

Благовещенской она называется по находившейся на ее внутренней стене иконе Благовещения, то есть «благой вести», принесенной Богоматери архангелом Гавриилом, о рождении у нее Иисуса Христа: «...радуйся, благодатная! Господь с тобою; благословенна ты между женами... не бойся, Мария, ибо ты обрела благодать у Бога; и вот зачнешь во чреве, и родишь сына и наречешь ему имя: Иисус».

Как повествует легенда, икона эта появилась чудесным образом – она «самоизобразилась» (см. главу «Кремль утра-

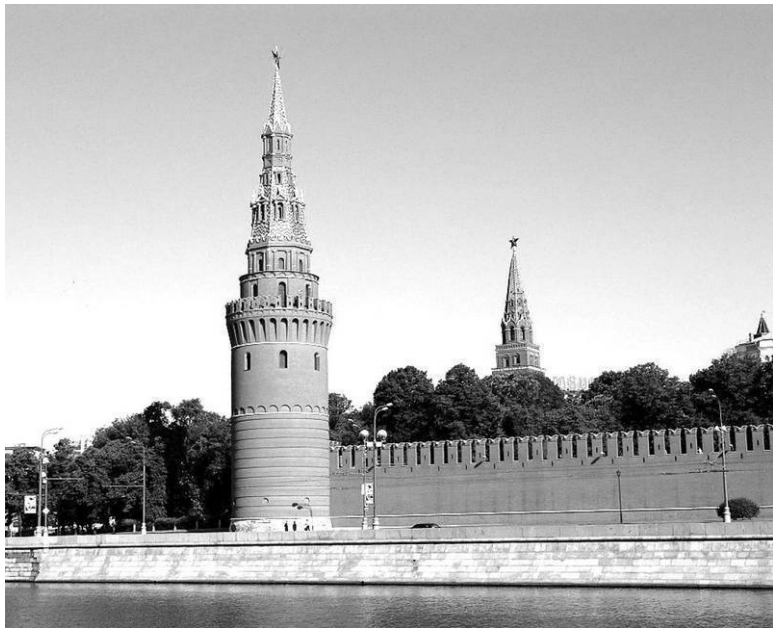
ченный»). Сначала у иконы поставили деревянную часовню, а в 1731 г. – каменную церковь. В дозорной вышке на верху кремлевской башни устроили колокольню и над ней укрепили крест, в самой же башне в 1892 г. устроили придел Святого Иоанна Милостивого с белоамраморным иконостасом.

В 1932 г. вместе с церковью уничтожили и церковный придел в башне. Сама же башня построена в 1488 г.; рядом с ней были проделаны ворота, называвшиеся «портомойными» (через них, надо думать, проходили к реке дворцовые прачки), заложенные в 1831 г.

Водовзводная башня (высота башни до звезды – 57,7 м, со звездой – 61,3 м)

Изящная, даже грациозная, если это слово применимо к грозным крепостным сооружениям, Водовзводная башня отмечает резкий поворот Кремлевской стены к северу от слияния Москвы-реки и Неглинной. Современные формы башня получила не так уж и давно – в начале XIX столетия. Построенная в 1488 г. Антоном-фрязином, она много раз изменялась. Сначала, как и все другие кремлевские башни, Водовзводная не имела надстройки, которая была сделана позднее, в конце XVII в.; в 1805 г. ее вообще разобрали из-за ветхости и выстроили заново, а через семь лет взорвали отступающие наполеоновские войска. Пришлось опять возводить ее – в 1819 г., и она, единственная из кремлевских башен, была обработана тогда классическими деталями – портиками, рустом, колонками.

Первоначально башня носила название Свибловой, по находившемуся рядом кремлевскому двору боярина Федора Свибла, а Водовзводной стала называться после того, как в 1633 г. в ней соорудили первый московский водопровод. Английский мастер Кристофер Галлоуей, который «был у государева дела у водяного взводу», установил в ней водоподъемную машину, качавшую москворецкую воду по свинцовым трубам «на государев на Сытный и на Кормовой дворец в поварни», а позднее во дворец и кремлевские сады. За эту работу, как рассказывали, строитель получил несколько бочек золота.

Водовзводная башня

Боровицкая башня (высота башни до звезды – 50,7 м, со звездой – 54 м)

Это одна из самых красивых и самая своеобразная из кремлевских башен: на высоком, монументальном нижнем четверике поставлены еще три пропорционально уменьшающиеся; каждый из них украшен поясом с квадратными углублениями (они называются «ширинками»). Венчает чет-

верики стройный восьмигранный шатер с прорезанными в нем высокими и узкими окнами.

Наиболее распространенное объяснение названия башни – по заросшему бором, то есть густым лесом, мысу – не может считаться правдоподобным, так как при постройке кремлевских стен уже давно не было девственного бора. Название ее произошло, очевидно, от находившегося поблизости, у впадения Неглинной в Москву-реку, места, где брали налог – «бор», но, может быть, и по дороге, ведущей к городу Боровску. Башня также называлась Чертольской, так как выводила к урочищу Чертолье; в 1658 г. царь Алексей Михайлович указал переименовать башню в Предтеченскую – по ближней церкви Иоанна Предтечи, однако это название не прижилось.

В 1490 г. архитектор Пьетро Антонио Солари выстроил нижний четверик, накрытый деревянным шатром, нынешнее же завершение было сделано в 1680-х гг., и тогда же к башне пристроили отводную стрельницу – что необычно – сбоку от нее.

Боровицкая башня и Боровицкие ворота

Наполеоновские войска при отступлении взорвали соседнюю Водовзводную башню, и от взрывной волны верх шатрового завершения Боровицкой башни упал; в 1819 г. архитектор Осип Бове восстановил его, не сохранив, однако, готический декор, сделанный в 1762 г. к коронации Екатерины II (кое-где сохранились заложенные отверстия с готическим стрельчатым оформлением).

Ворота Боровицкой башни служили основным хозяйственным входом во времена московских великих князей и царей. Рядом с башней находилось несколько дворов – Кормовой, Житный, Конюшенный. Позади них высилась одиноко стоявшая церковь Иоанна Предтечи. При постройке Большого Кремлевского дворца ее разобрали, а престол перенесли в башню; ранее двуглавый орел увенчивался крестом, сделанным по образцу креста этой церкви.

С внутренней стороны проездных ворот через вход, украшенный навесом в русском стиле, можно было пройти по каменной лестнице башни в светлую, высокую церковь Рождества.

Снаружи, с правой стороны от воротного проезда, на стене видны изображения, объяснение которым мне не встретилось: гербы, высеченные, вероятно, из белого камня. Один из них представляет собой литовский герб, а второй – мос-

ковский. Но почему и в связи с чем они помещены на Боровицкой башне, так и осталось неясным. Еще в 1980 г. известный искусствовед Г.К. Вагнер высказывал надежду на то, что кто-либо из специалистов заинтересуется этими изображениями, но так никто и не откликнулся на этот призыв.

С левой стороны от Боровицкой башни можно заметить у самого основания стены заложенную арку, а левее – еще одну. Высказывалось предположение, что это остатки грота, сделанного, возможно, из проезда, существовавшего до конца XVII в. в отводной стрельнице.

Боровицкие ворота одни из двух, через которые разрешен проход в Кремль, и теперь только через них проезжают автомобили. В проезде Боровицкой башни 22 января 1969 г., во время встречи космонавтов, лейтенант Виктор Ильин выхватил два пистолета, разрядил обе обоймы в автомобиль, успев сделать шестнадцать выстрелов. Он целился в Брежнева. Но машину с Брежневым направили через Спасские ворота (возможно, что охрана что-то подозревала), и он не пострадал, а у Боровицких ворот был убит шофер и легко ранены космонавты Николаев и Береговой, а также мотоциклист эскорта. Ильин провел более 18 лет в одиночке психбольницы, после чего был выпущен в 1990 г.

Две следующие башни весьма схожи с другими – глухими, не проездными и угловыми башнями: такие же четверики с машикулями и с надстроеными на них шатрами, которые заканчиваются прорезными башенками и завершени-

ями с флюгерами.

Оружейная башня (высота башни – 32,7 м)

Построена башня была в 1493–1495 гг., а в 1676–1686 гг. надстроена. Она называлась также Конюшенной по близне-
му кремлевскому Конюшенному двору. Двор этот снесли,
проездные ворота ко двору заложили (следы закладки обна-
руживаются в некоторой несимметричности низа четвери-
ка), а башню назвали Оружейной – по близости к возведен-
ной тогда Оружейной палате.

Оружейная башня

Комендантская башня (высота башни – 41,3 м) Построена в 1493–1495 гг. и надстроена в 1676–1686 гг.

Называлась она Колымажной – по близости к Колымажному царскому двору за Кремлевской стеной, где стояли царские повозки – колымаги, сани, парадные кареты и разные другие экипажи. Неудивительно, что в древности она имела ворота к Колымажному двору. Двор этот был сломан в начале XIX в., когда очищали Кремль от старых построек. Башня с 1851 г. стала называться Комендантской, так как рядом с ней стоял Потешный дворец, где поселился комендант Кремля.

Троицкая башня (высота Троицкой башни со стороны Александровского сада до звезды – 76,4 м, а со звездой – 80 м. Самая высокая из кремлевских башен)

По монументальности, внушительности Троицкая башня занимает второе место после Спасской, на которую похожа своим декором.

В летописях точно отмечено время возведения всех главных кремлевских башен, но только Троицкая никак не упомянута, сказано лишь, что в 1495 г. архитектор из Милана Алевиз заложил «стену градную камену на Москве возле Неглимны»: возможно, что закончили делать ее вместе с башней до 1499 г.

Троицкая башня

Название Троицкой она получила согласно указу царя Алексея Михайловича в 1658 г. по кремлевскому подворью Троице-Сергиева монастыря, находившемуся недалеко от башни. Она еще называлась Богоявленской – по церкви этого же подворья, Знаменской – по иконе Знамения над проездом со стороны реки Неглинной (второй образ – со стороны Кремля – икона Троицы) и, наконец, Куретной (или Курятной) – по стоявшим рядом Куретным воротам царско-

го хозяйственного двора.

В подвале под проездом ворот в конце XIX в. были обнаружены два каменных мешка, куда можно проникнуть только через узкое отверстие в потолке; в XVI–XVII вв. они использовались как тюрьма. С левой стороны ворот стоял дворцовый Судный приказ, от которого шла лестница к этим подвалам.

Так же как и другие большие башни, Троицкая имела отводную стрельницу, к ней в 1516 г. через реку Неглинную перебросили мост, перед которым соорудили оборонительную предмостную башню, названную Кутафьей.

На Троицкой башне тоже были часы, о которых достоверно известно с 1585 г. Они имели размеры по аршину (аршин равен 71 см) в длину и в ширину, там находилось только три колокола – один часовой и два перечасных. Есть известие, что в 1626 г. часовщик переделывал их: «подделывал ветренник, да у ветренника репей зубчатый, да в колесо трубку большую на вал ходовой». Несмотря на ремонты, в 1683 г. часы пришлось снять и перенести на ворота дворца в Преображенском, а на их место поставить новые. Позднее здесь установили часы, купленные в Голландии вместе с теми, которые предназначались для Спасской башни. Часы на Троицкой башне действовали, вероятно, до конца XVIII в. Большой часовой колокол в 1812 г. упал, проломил четыре этажа башни и пролежал до 1848 г., до тех пор, пока его не перетаскивали в Боровицкую башню и не определили при церк-

ви Иоанна Предтечи. Тогда же, в пожар 1812 г., часовой механизм также сгорел, и при описи, проведенной в 1825 г., оказалось, что на пятом этаже башни находилась сгоревшая «часовая машина» и там же лежали 29 колоколов разной величины, из которых два ухитрились украсть во время иллюминации в честь коронации императора Николая I.

Теперь Троицкая башня – главный вход в Кремль для туристов, а раньше через нее въезжали в Кремль ко дворам патриарха, цариц и царевен, и через нее же обычно выходило духовенство, встречая царей и сопровождая их до Спасских ворот. Так, например, в 1598 г. 1 апреля из ворот вышел патриарх Иов со всем духовенством для встречи царя Бориса Годунова, возвращавшегося из Новодевичьего монастыря от своей сестры, благословившей его на царство по челобитию всего народа.

Через Троицкие ворота 2 сентября 1812 г. наполеоновские войска вступили в Кремль. Когда они подходили к воротам, то нашли их перегороженными баррикадами, из-за которых раздались выстрелы. Это было единственное сопротивление завоевателям неизвестных москвичей. После нескольких пушечных выстрелов все было покончено. Через эти же ворота 11 октября 1812 г. войска Наполеона выходили из сожженного и опустошенного города.

С 1870 г. внутренние помещения отводной стрельницы занимала канцелярия Московского отделения архива Министерства императорского двора, и сама башня была полна

архивных дел. В результате большевистского переворота архив подвергся разгрому. Как сообщали архивисты, «те документы, на которых строились по всей Руси известные труды И.Е. Забелина по описанию быта русской жизни с древнейших времен, теперь лежат поруганные и буквально загаженные, так как разрушители и грабители в нескольких местах Дворцового архива поустроили отхожие места».

Кутафья башня (высота башни – 13,5 м)

Поперек Александровского сада перекинут мост на арках, идущий от ворот Троицкой до приземистой Кутафьей башни, стоящей уже почти на проезде у Манежа. Башня эта служила предмостным укреплением при подходах к Троицкой башне. Она представляет собой единственное сохранившееся такого рода оборонительное сооружение, которое ранее было у некоторых других кремлевских башен. Мост, сооруженный в 1516 г. на месте еще более древнего (по преданию – XIV в.), стоял над рекой Неглинной, которая в этом месте широко разливалась: она была подпружена и на прудах действовали мельницы. Плотины высоко поднимали уровень воды, которая таким образом могла поступать из реки в ров, проходивший по Красной площади вдоль Кремлевской стены. Когда устраивали Александровский сад на месте ложа Неглинной, убранной в подземный канал, к мосту пристроили пологие пандусы и лестницы, по которым можно было выйти в сад. Однако в 1901 г. при ремонте моста и лестницы и пандусы разобрали.

Кутафья башня

Происхождение названия башни – Кутафья – неясно. Предполагается, что так ее стали звать из-за приземистости и неуклюжести, но это только сейчас она кажется такой, ибо вокруг нее вырос высокий слой земли, а ранее она была стройной и высокой. Название может происходить и от слова «кут» – угол, укрытие. Ворота назывались также Борисоглебскими – по церкви на Арбатской площади, куда вела до-

рога через башню, Владимирскими – по образу над проездом и Патриаршими – так как через них проезжали к патриаршему двору.

Башня представляла собой серьезное оборонительное сооружение – и сейчас на боковом фасаде можно видеть следы щелей, через которые проходили рычаги подъемного механизма моста через ров, окружавший башню. Вместе с другими кремлевскими башнями Кутафью в 1685 г. украсили: поставили ажурный верх с белокаменными деталями; в 1780 г. разобрали обветшавший кирпичный свод, и она оказалась полностью открытой внутри.

На этой башне тоже находились образа: со стороны города прямо по стене был написан образ святых Бориса и Глеба, со стороны Троицкого моста – святого Владимира.

Средняя Арсенальная башня (высота башни – 38,9 м)

Как писал о башне С.П. Бартенев, автор единственной полной книги о стенах Кремля, изданной в 1912 г., «стройная и серьезная, она глядит оконным пролетом своей дозорной вышки, как страж недреманным оком».

Здесь стояла угловая башня белокаменного Кремля Дмитрия Донского, на месте которой в 1493–1495 гг. и построили существующую башню.

Средняя Арсенальная башня

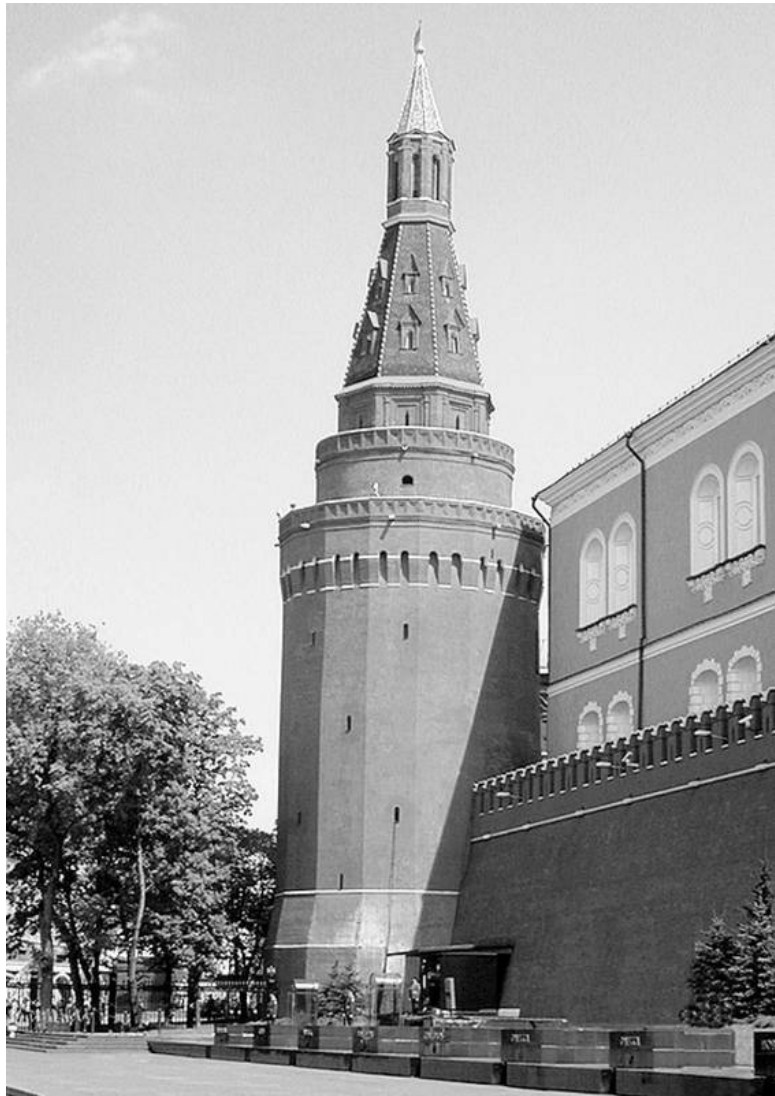
Современное название она получила после возведения Арсенала позади нее. Она также называлась Граненой, так как, единственная среди других, украшена скучным декором на наружной грани – двумя плоскими вертикальными нишами. Надстроили башню в 1680-х гг., ее верх похож на верх другой – Набатной. Предположительно на ней находился также набатный колокол, называвшийся Троицким – по близости к Троицкой башне.

Угловая Арсенальная башня (высота башни – 60,2 м)

Называлась еще Собакиной – по близости ко двору боярина Собакина, и только после постройки Арсенала получила современное название. Возведена зодчим Пьетро Антонио Солари в 1492 г.

Эта башня – самая мощная из всех угловых, ее основание глубоко скрыто за многовековыми напластованиями, а толщина стен достигает 4 м. На фундаменте высоко поднимается ее основной шестнадцатигранный объем, на котором в 1672–1686 гг. поставили восьмигранный шатер, завершенный ажурной смотрильной башенкой. В подземелье башни на случай осады был устроен колодец-тайник, действующий до сих пор: из него вытекает чистая и прозрачная вода. Любопытно, что в 1894 г. воду решили откачать, и, по словам С.П. Бартенева, она прибывала «каждые пять минут на 2 с

половиной вершка», то есть постоянный приток воды составлял 10–15 л в секунду. Из этой башни был устроен и тайный выход к Неглинной, который потом заложили, а вот водосток сохранился.

Угловая Арсенальная башня

Когда Москва после поражения при Нарве ожидала нападения шведского короля Карла XII, на Собакиной башне в 1707 г. растесали узкие бойницы для установки пушек. При попытке подрыва Кремля наполеоновскими войсками в 1812 г. с Угловой Арсенальной башни взрывом снесло самый верхний шатер с вышкой, а ее тело прорезали глубокие трещины. Все повреждения были исправлены архитектором О. Бове.

В конце XIX в. помещения башни приспособлялись для Московского губернского архива, хотя она совершенно не годилась для него. Внутренний вид башни вызвал такое эмоциональное описание: «Нужно видеть эти горы дел, какими заполнена башня, нужно потолкаться по улицам и закоулкам этого многоэтажного, бумажного города, чтобы понять весь поистине египетский труд, какой выпадает на долю тружеников архивариусов, обреченных судьбой в холоде, сырости и темноте проводить дни, недели, годы, чтобы выйти отсюда непременно больными на всю жизнь».

Никольская башня (высота башни до звезды – 67,1 м, а со звездой – 70,4 м)

Иногда Никольская башня называлась Иерусалимской – по церкви Входа Господня в Иерусалим, находившейся у подворья Симонова монастыря, рядом с башней. Но наибо-

лее употребительное ее название – Никольская – произошло возможно от иконы святого Николая, помещенной над воротами отводной стрельницы. Он считался защитником угнетенных и карающим клятвопреступников, почему у его иконы на Красной площади, городском торговом центре, заключали сделки и целовали крест. Икона эта пользовалась большим уважением, и, возможно, поэтому так сурово наказали некоего иконоборца, бросившего в икону палку. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 17 декабря 1720 г. было опубликовано такое сообщение: «Декабря въ 13 день въ Санктъ-Петербурге, на площади созжень богохульникъ и иконоборецъ Шуйскаго уезда Василья Змиева крестьянинъ Ивашка Красный, за то, что Октября 23 дня, сего же 720 года, какъ было въ Москве изъ Соборной Церкви Успения Пресвятыя Богородицы Крестное хождение въ Соборную Церковь Чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы, именуемая Казанския, онъ, Ивашка, обругалъ Спасителейъ образъ и Животворный крестъ Господень въ Никольскихъ воротахъ и для того пойманъ».

Никольская башня

Поразительно – начало XVIII в., Петровские реформы, европейские обычаи и публичное сожжение на главной площади столицы инакомыслящего!

Никольская башня связана со многими важными и памятными историческими событиями и деятелями. В августе 1380 г. через ее ворота проходили полки Дмитрия Донского на Куликово поле. Никольские ворота были свидетелями завершающего эпизода междоусобной брани и братоубийственной вражды между внуками Дмитрия Донского, двоюродными братьями Василием Васильевичем и Дмитрием Юрьевичем Шемякой. Борьба за династические интересы продолжалась четверть века и была очень ожесточенной. Уже в последние годы междоусобной брани Москва оказалась во власти Василия. Он послал с небольшим отрядом своего боярина Плещеева в Москву, и тот, обойдя войска Шемяки, подошел к Кремлю и, воспользовавшись тем, что одна из москвичек, княгиня Ульяна, ехала к заутрене и для нее отворили Никольские ворота, вошел в Кремль и захватил его. Таким образом, Василий Васильевич получил в свое владение Москву и стал впоследствии великим князем Василием II, по прозвищу Темный.

Икона Св. Николая над Никольскими воротами

Никольские ворота были обязательной остановкой для митрополитов и патриархов в день посвящения – перед ними они творили молитву и кропили их святой водой.

Через ворота Никольской башни обычно въезжали в Кремль к монастырским подворьям и боярским дворам поблизости от нее, а из Кремля этими воротами выходили стрельцы, перед походом собиравшиеся у Оружейного приказа, на месте нынешнего Арсенала. Они совершали молебствие перед иконой святого Николая и отправлялись далее. Так, в 1687 г. войска собрались в Крымский поход и на Никольском мосту царица Софья, цари Иоанн и Петр жаловали к руке бояр и воевод.

В старину на Никольской башне также находились часы, о которых уже не упоминалось в начале XVII в. Интересно отметить, что Никольская башня не была надстроена в конце XVII столетия, как другие башни Кремля. В 1730-х гг. ее украсили пышным барочным декором, подобно соседнему Арсеналу, выстроенному тогда. Только в 1780 г. башню надстроили низким шатром, а в 1806 г., возможно, по проекту архитектора Луиджи Руска возвели над мощным четвериком башни восьмерик и завершили его шатром с готическими деталями из белого камня.

В 1812 г. верх башни снесло взрывом, да и четверик баш-

ни был сильно поврежден, однако икона святого Николая над воротами осталась неповрежденной.

По этому случаю император Александр I приказал поместить на башне следующую надпись: «В 1812-го года во время неприятельского нашествия твердыня сия почти вся была разрушена подрывом неприятеля: но чудесною силою божиею святой образ Великого угодника божия святителя николая, zde начертанный на самой камени, и нетолько самый образ, но и самое стекло, прикрывавшее оный, и фонарь со свещею остались невредимыми. – Кто бог велий яко бог наш; ты еси бог творяй чудеса, дивен бог во святых своих».

Икона св. Николая Чудотворца

Комиссия для строений в Москве была уполномочена восстановить весь Кремль, и в декабре 1816 г. московскому генерал-губернатору сообщили, что «Архитектор сей Комиссии Бове представил ей фасадую Никольской, что в Кремле башне по приказанию Вашего Сиятельства для поднесения Государю Императору им сочиненную». В 1818 г. архитектор Ф.К. Соколов настоял на том, чтобы тяжелое кирпичное завершение башни было заменено на более легкое железное; возможно, тогда и появились по углам нижнего четверика четыре высокие и тонкие башенки из белого камня с декором, повторяющим декор двух восьмериков (С.П. Бартенев отмечал, что этот декоративный мотив обычен в готическом зодчестве, и приводил в пример здание церкви Святой Марии XV столетия в польском городе Штаргард), и в феврале следующего года он доложил, что восстановление ее, как и других башен (за исключением Водовзводной), закончено.

В конце концов Никольская башня получилась самой стройной из кремлевских башен, с легкими и стремительными очертаниями высокой надстройки.

Однако взрывом в 1812 г. злключения Никольской башни не закончились. В ноябре 1917 г. она была серьезно повреждена при боевых действиях: красногвардейцы стреляли

по башне прямой наводкой. Вот отрывок из описания разрушений Кремля, изданного в 1917 г. по горячим следам: «Как Никольская башня, так и Никольские ворота совершенно изрыты снарядами, пулеметами, ручными гранатами и ружейными пулями. Совершенно уничтожен киот, прикрывающий икону св. Николая, сень над иконой сбита и держится на одном гвозде. С одной стороны изображение ангела сбито, а с другой – прострелено. Среди этого разрушения образ св. Николая уцелел, но вокруг главы и плеч Святителя сплошной узор пулевых ран. При первом взгляде кажется, что иконы нет, но, всматриваясь внимательнее, сквозь пыль и сор вырисовывается сначала строгое лицо св. Николая и в правом виске видна рана, а затем становится яснее и весь этот чудотворный образ – стена и ограждение священного Кремля».

Весной 1918 г., как вспоминал архиепископ Иоанн (Шаховской), он оказался в Москве:

«В эти дни Москву обошел слух о некоем событии, случившемся у Никольских ворот. Я также пошел к этим воротам. Я увидел там толпы людей. Большая икона св. Николая чудотворца висела над воротами. Она была занавешена красной материей. Материя была прибита гвоздями к краям иконы и закрывала ее всю. И вот в этот тихий солнечный день москвичи увидели, что эта красная материя, закрывавшая икону, во-первых, разорвалась сверху донизу; и далее полосы материи стали, как ленточки, отрываться от иконы сверху вниз и падать на землю... Я стоял среди благоговей-

ной и сосредоточенной толпы. Икона, на глазах у всех, очистилась совершенно от красной материи, ее закрывавшей. И вдруг я услышал позади себя выстрелы – один, другой, третий. Я оглянулся и увидел парня в солдатской одежде. Он стрелял из ружья, метя в икону. Лицо его было типично русское, крестьянское, круглое, с напряжением, но безо всякого выражения. Очевидно, он, исполняя чье-то распоряжение, стрелял в икону Святителя. Метки от пуль его оставались на иконе, уже ничем не закрытой. Оставались только маленькие кусочки красной материи по краям иконы, где были гвозди.

Я видел, как в своей одержимости грешная Русь расстреливала свои святыни, а Русь святая молитвенно созерцала чудесное знамение Божией силы над миром».

Со стороны Кремля над воротами находилась фресковая икона Казанской Богоматери с четырьмя ангелами по бокам. Появление ее здесь, возможно, объясняется тем, что 25 ноября 1612 г. именно через эти ворота (как и через Фроловские) вошло «все воинство и вси православные народы во град Кремль во мнозе радости», ознаменовав тем самым окончание оккупации его польскими войсками. В память этого события ежегодный крестный ход, совершавшийся 22 октября к Казанскому собору, проходил Никольскими воротами.

Сенатская башня

В 2010 г. над воротами башни восстановили икону святого Николая (см. «Спасская башня»).

С 1822 г. в башне хранили дела Московского губернского архива, но в совершенно неподходящих условиях – сквозь прорехи в крыше на них в продолжение нескольких лет лил дождь и попадал снег, пока различные ведомства препирались, кому надо делать ремонт. Еще в начале XX в. отмеча-

лось, что условия хранения 600 тысяч дел весьма плохие – сырость, отсутствие вентиляции и отопления.

Со стороны Красной площади, слева от стрельницы, до 1930-х гг. стояло построенное в 1884 г. небольшое здание часовни Святого Николая Чудотворца, где находилась копия с иконы. С правой стороны находилась часовня Святого Александра Невского. Обе они были выстроены иждивением богатого купца С.И. Карзинкина во исполнение завещания его отца, владельца Большой Ярославской текстильной мануфактуры.

Сенатская башня (высота башни – 34,3 м)

Башня занимает центральное положение на Красной площади, но из-за того, что она небольшая и вдобавок находится за мавзолеем Ленина, не играет почти никакой роли в формировании облика площади. Она похожа на другие небольшие башни, такие как Набатная, Оружейная и Комендантская, а также на приречные. Построена башня была в 1491 г. зодчим Пьетро Антонио Солари и надстроена четвериком с арочными проемами и шатром в 1680 г. и с тех пор не менялась. Безымянная, она стала называться Сенатской после постройки за ней здания Сената.

В 1918 г. в память первой годовщины взятия власти большевики укрепили на башне большую, из 54 блоков окрашенного цемента, мемориальную доску, посвященную «павшим в борьбе за мир и братство народов», работы скульптора С.Т. Коненкова. На доске изображена крылатая женская фигура,

олицетворяющая Победу, в одной руке держащая красное знамя с советским гербом, а в другой – зеленую пальмовую ветвь, над ней в солнечных лучах было написано: «Октябрьская 1917 Революция».

Доску открывал Ленин, сказавший, что погибшие за большевистскую революцию обрели новую почесть, состоявшую в том, что по их телам «прошли тысячи и миллионы новых борцов, столь же бесстрашных, обеспечивших этим героизмом массы победу», и предупредивший о том, чтобы никто не успокаивался, так как «нас ждут новые жертвы». Когда упал занавес с доски, духовой оркестр и хор исполнили написанную специально для этого случая кантату, а по Красной площади прошла демонстрация. При реставрации башни в 1950 г. доску сняли и перенесли в Музей революции. В этой башне сделан проход для выхода из Кремля на Красную площадь, которым пользовались советские руководители при проведении парадов и демонстраций.

По обе стороны от башни в Кремлевскую стену замурованы урны с прахом известных деятелей Советского государства и мирового коммунизма.

Успенский собор

Духовным центром Кремля и самым значительным зданием его является Успенский собор, облик которого, строгий и несколько аскетичный, доминирует на Соборной площади. Собор являлся местом захоронения духовных владык – московских митрополитов и всероссийских патриархов – и местом важнейших государственных церемоний – коронаций московских князей, русских царей и императоров. Первое «напрестолование» происходило в 1432 г., когда на московский стол его посадил золотоордынский посол Мансырь-Улан-царевич. В соборе венчали на царство Ивана IV Васильевича, ставшего Грозным, первого выборного царя Бориса Годунова, самозванца Дмитрия и Марину Мнишек, первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича. В этом соборе Петр Великий возложил русскую императорскую корону на безродную крестьянку Екатерину, а надев сама на себя корону, немецкая принцесса стала императрицей Екатериной II, и тут же 14 мая 1896 г. был коронован последний русский император Николай II.

Посвящен собор одному из наиболее почитаемых событий христианской религии – Успению матери Христа, то есть воспоминанию о ее смерти, или «успении», как бы сне (усопший – уснувший). После вознесения Христа она жила в доме Иоанна Предтечи и узнала о дне своей смерти от того же

архангела, который сообщил ей о рождении Христа. В день смерти и успения в Иерусалим из разных стран приехали на облаках все апостолы, и Богородица попрощалась с ними, обещав заботиться о христианах.

Успенский собор

В России Успенские храмы очень почитались и по числу находятся на втором месте после самых распространенных Никольских. С VI в. Успение Богородицы отмечается 15 (28) августа и предваряется двухнедельным постом.

Как правило, на Руси храмы возобновлялись на месте старых, и кремлевские соборы лучшее тому свидетельство. Так, весьма вероятно, что первоначально церковная постройка была на этом месте еще в XII в., если судить по найденному под современным зданием и рядом с ним кладбищу, относившемуся к этому времени. Интересно отметить, что захоронения находились в уже отложившемся культурном слое, то есть в поселении, жившем определенное время, а некоторые исследователи даже говорят о «многолюдном городском центре». Можно сказать, что в XIII в. (примерно в 1280–1290-х гг.) здесь находился небольшой каменный трехапсидный, с двумя приделами храм, от которого остались фрагменты кладки и часть стены.

Иногда считают на основании сообщения Львовской летописи о смерти в Орде князя Юрия Даниловича, боровшегося с Тверью за великое княжение, что его похоронили в Успенском соборе: «...положиша его во церкви святыя Богородица честнаго Успения, во приделе святаго Димитрея». Однако это летописное известие вызывает сомнение, так как во всех других летописях сообщается, что в 1326 г. его похоронили в церкви Святого Михаила, впоследствии ставшей

усыпальницей и других московских великих князей и царей: «...положиша его в церкви святого Архаггела Михаила, на десной стране».

На московский престол вступил его брат Иван Данилович, получивший прозвище Калита, то есть кошель. При нем Москва, стольный город княжества, стал обстраиваться каменными храмами, и одним из первых был воздвигнут Успенский собор. Его заложил в 1326 г. митрополит Петр в присутствии великого князя: «Того же лета священа бысть церкви Успение святая Борогодица на Москве епископом Ростовским Прохором, месяца августа 4». Сам митрополит и приготовил себе могилу в соборе, у его северного придела, и лег в нее через полгода: «...месяца декамъврия в 20 день на память Игнатъя Богоносца в нощи тои преставия Петр митрополит Киевъский и всея Руси великий чюдотворецъ, и положен бысть в церкви святыя Богородица, юже сам поча здати...»

Окончен Успенский собор был через год после закладки. Это был небольшой храм с обычными трехчастными апсидами и двумя приделами, из которых южный был посвящен, возможно, святому Дмитрию Солунскому, а второй – Поклонению веригам апостола Петра, в память митрополита Петра. В 1459 г. пристроен еще один придел – Похвалы Богородицы, в благодарность чудесному спасению Москвы от нашествия ордынского хана Седи-Ахмета. Собор простоял почти полтора столетия и за это время сильно обветшал: как на-

писал летописец, его «уже деревии толстыми комары подпираху», то есть бревнами толстыми своды подпирали. После большого пожара 1470 г. собор, конечно, еще более пострадал: «Того же лета, месяца августа в 1 день, исходящу второму часу, загорися Москва внутри города на подоле, близ Константина и Елены, от Богданова двора Носова, а до вечерни и выгорел весь...»

Строительство нового Успенского собора, «подобну Владимирской святой Богородицы», но крупнее его, задумал в конце XV в. митрополит Филипп: он наложил на всех попов и монастыри «тягину велику», велел собирать серебро, к духовенству присоединились бояре и купцы, которые «своею волею части своя имени вдаша митрополиту на церковное создание».

Икона Владимирской Божьей Матери в Успенском соборе

Летопись сообщила, что митрополит призвал двух мастеров, и, что было совершенно необычно, привела их имена – Ивашка Кривцов и Мышкин (первый был, вероятно, главным, судя по тому, что летописец назвал не только фамилию, но и имя): «...помыслив и сътворив, призва мастера Ивашка Кривцова да Мышкина и нача их глаголати, ащо имутся делати? Хотяше бо велику и високу церковь сътворити, подобну Владимирской святой Богородицы. Мастери же изымашася ему таковую церковь въздвигнути». Они взялись за работу – 30 апреля 1472 г. митрополит освятил закладку. Во время строительства каменного собора внутри его устроили деревянную временную церковь, в которой совершилось бракосочетание Ивана III и царевны Зои Палеолог.

Через два года в соборе уже выкладывали своды. Любопытствующие москвичи приходили осматривать необычное, хотя еще и не оконченное строение, но вот вечером 20 мая 1474 г., когда народ уже разошелся и по верху сводов разгуливал только сын князя Федора Пестрого, он услышал треск и звук падения камней и едва успел спуститься оттуда, как стены и своды рухнули. Непосредственной причиной разрушения собора была плохая известь («неклеевитая») и то, что устроенная в северной стене лестница ослабила ее. Однако надо сказать, что строительное искусство после ордынского

нашествия находилось в глубоком упадке и мастера не справились с возведением еще невиданного по величине и объему храма.

«Главной причиной такого несчастья, – пишет историк И.Е. Забелин, – и такой печали для всего города послужило плохое искусство мастеров или, вернее сказать, полная несостоятельность тогдашнего строительного искусства».

Митрополит Филипп скончался, не дожив до этого события. Великий князь пригласил мастеров из Пскова, но те отказались достраивать собор, и тогда, возможно по совету супруги, Зои Палеолог, он направил посольство в Италию с приказом найти и привезти мастера, способного взяться за постройку. В марте 1475 г. в Москву приехал известный архитектор и инженер Аристотель Фиораванти. На родине он выполнял сложнейшие работы по отливке колоколов, передвижке и выпрямлению городских башен, прокладке каналов, постройке мостов и водопроводов, но из-за преследований и обвинений согласился уехать в далекую Москву. Ему положили большое жалованье – 10 рублей в месяц, предоставили дом около великокняжеского дворца, и он сразу приступает к работе: прежде всего сносит руины старой церкви, да так быстро, что летописец, ревниво следивший за его работами, не удержался от искреннего удивления: «...еже три года делали, во едину неделю и меньше развали, еже не поспеваху износить камение». Весь процесс строительства подробно описан в летописях: как мешали известь,

чтобы ее «ножом не мочи расколупати», как рыли фундамент, клали стены, укрепляли металлические связи, носили кирпичи, которые специально для этого собора изготовили на новых кирпичных заводах в Калитникове. Через два года возведение собора было вчерне окончено, но только еще через два года его освятили. Для образца, которому нужно было следовать, выбрали владимирский Успенский собор, но думается, что Аристотель, хорошо знакомый с романскими постройками Западной Европы, не увидел нового для него во Владимире: он «похвали дело, рече: неких наших мастеров дело». В Москве же он устроил вместо пяти проход-неф-ов три и разделил их не квадратными столбами-колоннами, а круглыми – «аки древеса каменные»; он же отказался и от хоров на западной стороне. В результате новый Успенский собор вышел просторнее и светлее многих московских построек, что тут же отметил внимательный летописец: «Обложена церковь палатным образом» и «Бысть же та церковь чюдна велми величеством, и vysotoю, и светло-стию, и звоностию, и пространством, такова же преже того не бывала в Руси...». Освятил собор за два дня до праздника Успения, 12 августа 1479 г., митрополит Геронтий в сослужении трех епископов, в присутствии Ивана III и его брата князя Андрея, бояр, вельмож и «вси православнии христиа-не».

Южный вход в Успенский собор

Фасад разделен на равные части и по высоте и по ширине, а обычные в русских церковных зданиях алтарные выступы сделаны небольшими, да еще скрытыми за выступами небольших стенок, что придало зданию монолитность – «яко един камень», отметил летописец. По горизонтали здание разделено декоративным поясом колонок и арочек, а по вертикали – пилястрами на равные промежутки с узкими и высокими окнами. В здание ведут три входа – северный и южный (они, как правило, закрыты) и западный, через который и входят в храм. Южный, со стороны Соборной площади, был парадным, открывался только в случае торжественной церемонии. Он оформлен белокаменным арочным порталом, над которым находится фреска, изображающая Богородицу с двумя архангелами по сторонам – Михаилом и Гавриилом; ниже, между колонками, изображены святители, а по сторонам от входа – фигуры ангела (справа) и еще одного архангела Михаила (слева) с мечом, грозящим не кому-либо, а посетителям, как было написано, «разглагольствующим в церкви», – надо было, оказывается, прибегать к таким угрозам непочтительным москвичам.

Западный вход в Успенский собор

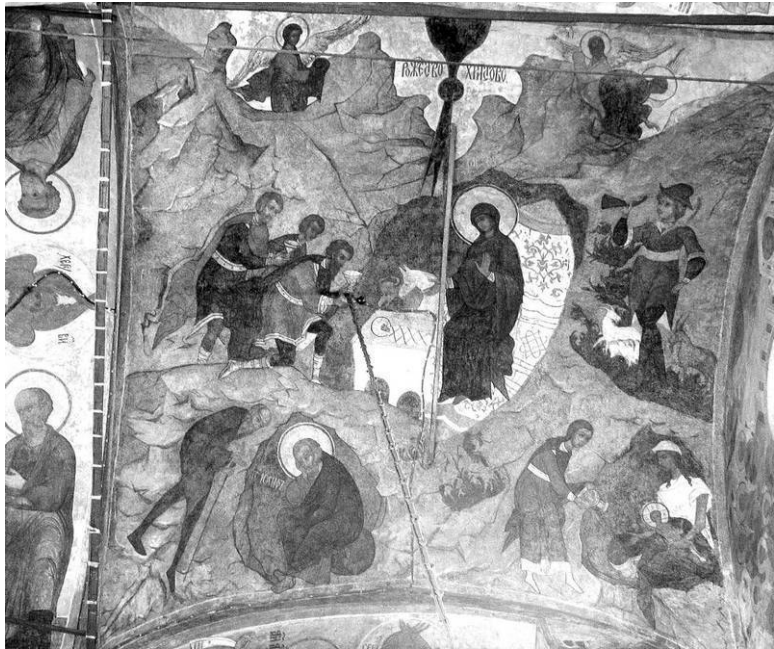
Росписи есть и на северном фасаде, выходящем в узкий проход между собором и Патриаршими палатами. Там также изображены святители и над ними – Христос с Богородицею, Иоанном Предтечею и всеми 12 апостолами. Ближе к северо-западному углу виднеется киот с белокаменным крестом, отмечающим место захоронения митрополита Ионы.

С восточной стороны росписи находятся на самом верху, в

полях закомар (комарой назывался свод здания), где изображены Троица, ангел, Богоматерь, Иоанн Предтеча и поклонение Марии с Младенцем.

Внутренняя роспись храма была сделана, возможно, знаменитым иконописцем Дионисием с помощниками, от которой сохранились лишь небольшие части, и в основном за иконостасом. Старая роспись за много лет значительно попортилась, и в 1643 г. большая артель иконописцев, собранных из многих городов, во главе с Иваном и Борисом Паисеиными и Сидором Поспеевым, произвела по прорисям-копиям старых изображений существующую роспись, ковром покрывающую своды, стены и столбы.

Роспись христианских храмов подчиняется определенным, жестко установленным правилам и имеет символическое значение, предназначая ее для неграмотного прихожанина. В главном куполе – Христос Вседержитель, то есть повелитель мира, с «книгой судеб», которая будет раскрыта в день Страшного суда. Ниже по стенам изображены архангелы, праотцы, пророки, еще ниже – евангелисты с их отличительными признаками – Матфей с ангелом, Лука с теленком, Марк со львом, Иоанн с орлом. На столбах написаны святые и мученики, на стенах – композиции на библейские темы, а на западной стене – сцены Страшного суда и апокалипсиса.

Апостолы Петр и Павел. Успенский собор

На сводах помещены рисунки на тему религиозных праздников, фигуры святых, иллюстрации к Евангелию, к жизни Богоматери. На западной стене – сцены Страшного суда, где в числе грешников фигурируют и иноземцы (справа), выделяющиеся белыми кружевными воротниками.

Росписи Успенского собора

Иконостас Успенского собора первоначально представлял собой невысокую преграду, в марте 1653 – январе 1654 г. ее заменила высокая, почти до потолка, стена с 69 иконами, которые были выбраны, возможно, самим патриархом Никоном и выполнены целой бригадой иконописцев, собранных из разных городов. В нижнем, местном ряду находятся почитаемые иконы – справа от царских врат стоит икона Спас Златая риза (ее сплошь закрывал позолоченный оклад),

или, как она еще называется, Спас императора Мануила, написанная в Новгороде на доске XI в. и переписанная около 1699 г. изографом Кириллом Улановым. На ней необычный Христос – он указывает правой рукой вниз. По легенде, икону написал сам византийский император, как обычно было принято, с поднятой благословляющей рукой. Как-то император наказал священника и тем самым вмешался во внутрицерковные дела. Во сне он увидел Христа, показывающего рукой вниз, как бы напоминающего о смирении перед церковью, и, проснувшись, увидел, что рука на иконе была опущена: «...узре руку Спасову указующи низу, а не тако, яко же он написал бе прежде». Конечно, патриарх Никон, считавший власть церкви выше мирской власти царя, не упустил возможности поставить именно эту икону на главное место в местном ряду иконостаса Успенского собора. Далее справа – храмовый образ Успения, современный самому собору; под иконой на металлической доске помещены тексты тропаря и кондака (то есть песнопений) на тему Успения. Над дверью в Дмитриевский придел находится одна из самых древних икон – Спас Ярое око XIV в. (шестая от царских врат), написанная для собора времен Ивана Калиты. На суровом и грозном лице Христа неожиданно резко выделяются ярко-красные губы: так древний живописец выразил его красноречие.

Росписи Успенского собора

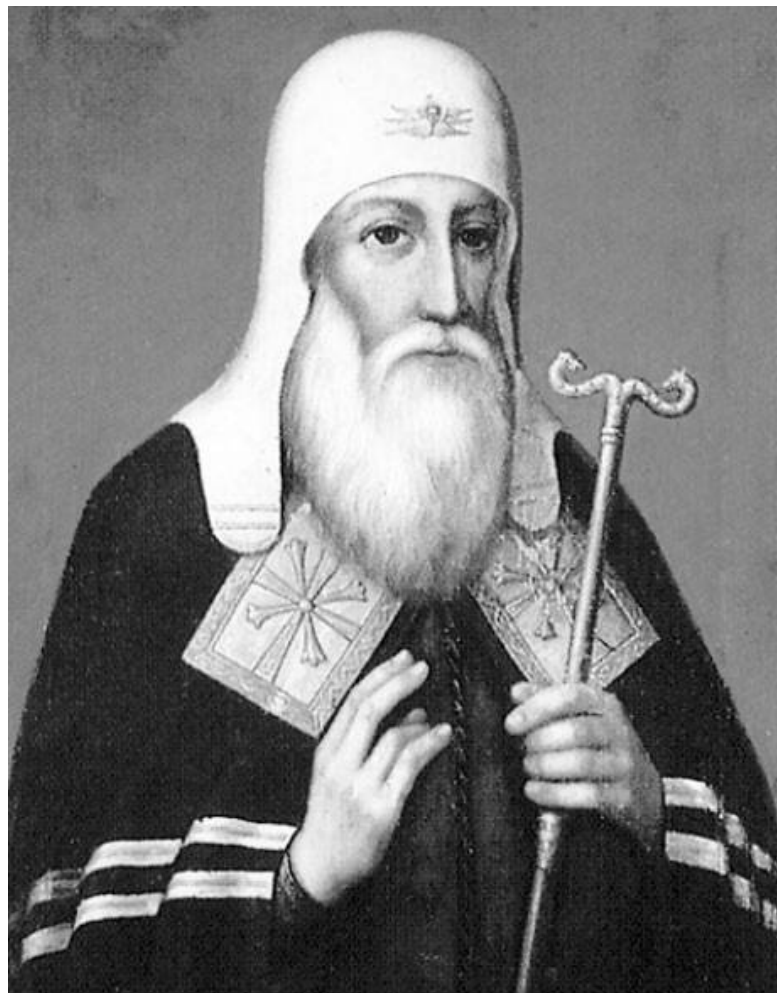
Слева от царских врат находилась самая известная икона собора – Владимирской Богоматери, написанная в Византии в XII в., которая теперь хранится в Третьяковской галерее, а на ее месте поставлена икона 1514 г. Слева от врат обращают на себя внимание фрески каменной алтарной преграды, на которых изображены монахи и отшельники. Эти фрески написаны после возведения собора и с тех пор не подвергались поновлению.

Самая древняя икона в Успенском соборе – это Святой Георгий XII в. в отдельном киоте слева от иконостаса. Считается, что она написана по заказу сына Андрея Боголюбского Юрия (Георгия), женившегося на грузинской царице Тамаре. На иконе художник изобразил молодого человека с огромными глазами и нежной кожей, с играющим на лице румянцем, совсем, казалось бы, неподходящим для образа мученика и воина. На обратной стороне доски – икона Богоматери, переписанная в XIV в.

Великолепные иконы находятся у стен – южной и северной. У южной – Петр и Павел (вторая справа), возможно принадлежащая кисти Феофана Грека, и иконы Дионисия и его школы: Апокалипсис, Митрополит Петр с житием, О тебе радуется (третья, четвертая и пятая справа). У северной стены самая древняя икона – Святой Николай начала XV в. (крайняя слева), далее иконы XVI–XVII вв.: Преподобный Александр Свирский (1547), Боголюбская Богоматерь с житием Зосимы и Савватия, соловецких чудотворцев (1545), Тихвинская Богоматерь (1668) со 103 клеймами – рассказами о ее жизни, Сошествие во ад из Соловецкого монастыря (XVI в.), Достоинно есть (середина XVI в.), Успение (1668). А у самого иконостаса висит любопытная икона, изображающая Троицу, работы известного иконописца Тихона Филатьева XVII столетия. Реставраторы расчистили лицо ангела справа, и тогда появилась живопись XIV в.

Патриарх Иоасаф I

Патриарх Иоасаф II

В соборе находятся замечательные произведения прикладного искусства. Сразу же справа у западного входа бронзовая сень-шатер работы мастера Дмитрия Сверчкова, изготовленная в 1624 г. для хранения плащаницы (то есть покрывала с изображением Христа в гробу), но впоследствии туда положили часть так называемой Христовой ризы – одежды, бывшей на нем во время распятия, – подаренной царю Михаилу Федоровичу. Это был небольшой (примерно 18×18 см) кусок льняной красноватой ткани. С годами кусочки от него отрезали и передавали в разные церкви – в Петербург, Ярославль, Киев, Кострому. После 1918 г. большевики отдали чтимую святыню в Крестовоздвиженскую церковь на Воздвиженке, а после ее сноса вернули обратно в Кремль, в фонды музея, где она и хранится сейчас. Теперь под сенью находится рака (то есть гроб с мощами) патриарха Гермогена, поставленная туда перед празднованием 300-летия дома Романовых в 1913 г.

У иконостаса находятся несколько «моленных мест». Так, рядом с северным столбом – место для цариц и царевен с шатровым завершением, относящееся к XVII в., но переделанное в XIX в. У южного столба – патриаршее место, выполненное из белого камня в конце XV столетия и украшенное поздней, XIX в., живописью. Недалеко от него, у южной двери, царское место, сделанное в 1551 г. для Ивана Грозного

русскими (вероятно, новгородскими) резчиками по дереву. Обращают на себя внимание красивые южные двери XVI в., называемые Корсунскими, так как, по легенде, они были вывезены из Корсуни (Херсонеса) еще Владимиром Мономахом. Медные листы расписаны золотыми на черном фоне изображениями греческих мудрецов, прорицательниц и пророков.

Интерьер Успенского собора

По стенам собора стоят надгробные сооружения (кенотавы, составное греческое слово от двух слов: «кенос» – «пустой» и «тафос» – «могила») над погребениями митрополитов и патриархов, за исключением одного – Никона, похороненного в основанном им Новоиерусалимском монастыре. На левой северной стороне находятся погребения Ионы (под роскошной сенью 1803 г. с иконой Спас Нерукотворный и картиной художника XIX в., изобразившего митрополита перед католическим распятием!), Геронтия, Симона, Макария, Афанасия, у западной, начиная от входа, – Адриана, Иоакима, Питирима, Иоасафа II, Гермогена (под сенью), Фотия и Киприана, у южной – Филарета, Иоасафа I, Иова и Иосифа. За иконостасом находятся захоронения Петра и Феогноста.

Собор освещают 12 светильников, сделанных в XVII в. В центре – большое, весом 328 кг, паникадило, получившее название «Урожай» по украшению в виде снопа пшеницы, сделанное из серебра, отбитого у отступавших наполеоновских войск.

В ноябре 1917 г. при обстреле Кремля большевиками в Успенский собор попало несколько снарядов, были пробиты купола, но, к счастью, разрушения оказались не очень большими. После занятия Кремля советским правительством его

закрыли для посещения; последняя служба в Успенском соборе состоялась на Пасху 1918 г. по разрешению Ленина для опровержения слухов об осквернении и распродаже кремлевских святынь. Она-то и вдохновила художника П.Д. Корина на создание большой картины «Уходящая Русь», для которой он выполнил несколько великолепных подготовительных этюдов-картин.

Успенский собор, как и многие здания в Кремле, впервые открыли для посещения в июле 1955 г.; он стал музеем, и с тех пор начались серьезные исследования собора. После исчезновения Советского Союза в соборе в большие религиозные праздники проходят торжественные патриаршие богослужения, но, конечно, Успенский собор, как и другие кремлевские церкви, не просто место религиозных отправлений, но памятник культуры, истории, архитектуры, прикладного искусства, который должен остаться музеем: его, как общенародную ценность, нельзя отдавать в собственность какой-либо организации.

Архангельский собор

Второй по значению кремлевский собор – Архангельский. Он, так же как и Успенский, построен итальянцем, но на 30 лет позже, в 1505–1509 гг., возможно, на месте деревянной церкви, выстроенной в честь своего святого князем Михаилом Ярославичем Хоробритом, братом Александра Невского, в 1260–1270-х гг.

Внук Михаила Иван Калита в 1333 г. возвел каменный Архангельский собор, ставший пятой церковью, появившейся в Кремле во время его правления. Храм, судя по тому, что строили его только один сезон, был небольшой. Его освятил митрополит Феогност 20 сентября 1333 г. Храм стал усыпальницей для московских князей и царей на протяжении почти 400 лет.

К началу XVI столетия здесь уже негде было класть умерших, и Иван III повелел строить обширный собор. Автором и строителем его был итальянец Алоизио Ламберти да Монтаньяна, названный в Москве Алевизом Новым (чтобы отличить его от другого Алевиза, приехавшего раньше). Он появился в Московии в 1504 г., после того как по пути в Москву был задержан крымским ханом для строительства дворца в Бахчисарае, и только после его окончания хан отпустил зодчего с таким отзывом: «...велми доброй мастер, не как иные мастера, велми великой мастер. И ныне у тебя, у бра-

та своего, прошу, и нашего для прошения, того Алевиза мастера с иными мастерами ровно не смотри...» Через год после прибытия в Москву он приступает к делу: сносит старый ветхий собор и в 1505 г. начинает строить новый – 21 мая «заложиша новую церковь... и тогда вынеса мощи великих князей и уделных», которые перенесли в стоявшую рядом церковь Ивана Лествичника.

Архангельский собор

Великий князь Иван III не дожил до окончания строительства – он умер осенью следующего года, и «положиша тело

его в церкви новой святого и великого Архаггела Михаила», то есть тогда церковь была, надо думать, вчерне закончена. Однако прошло еще три года, прежде чем 8 ноября 1509 г. митрополит всея Руси Симон освятил ее, и уже через три месяца там похоронили жертву династических раздоров, сводного брата великого князя Василия III князя Дмитрия, умершего «в нужи, в тюрьме».

Итальянский архитектор одел традиционный, по образцу владимиристо-суздальских, русский храм в необычный, можно сказать экзотический наряд, еще невиданный на Руси; и если в Успенском соборе особенности европейской архитектуры выявлены не столь заметно, то в Архангельском они видны сразу же – это необычные украшения арок закомар в виде огромных раковин, которые потом полюбились русским строителям, декоративные фиалы (резные сосуды), стоявшие на вершинах закомар, глубокая лоджия с западной стороны, ренессансная декорация фасадов, а нижний ярус собора вообще был трактован как аркада: собор обходила открытая, наподобие итальянских, арочная галерея. Первоначально все сооружение собора было значительно живописнее – стены красного цвета с белокаменными украшениями, а главы покрыты черной черепицей.

Со временем собор подвергался перестройкам и ремонтам: разобрали северную и западную ветхие части галереи, при возведении баженовского Кремлевского дворца в теле собора появились опасные трещины, и он мог просто рух-

нуть под откос холма, почему пришлось укреплять здание контрфорсами (кирпичные подпорки, стоящие еще и сейчас).

Во второй половине XVI в. к восточной стене, к апсидам, пристроили две небольшие церковки: с севера – Покровскую, перестроенную в XVII в., а с юга – Святого Иоанна Предтечи. С южной стороны также находится небольшая пристройка – здесь стояла Судная палата, где творился суд над многочисленными монастырскими крестьянами; в 1826 г. на ее месте построили существующее здание со скупым «готическим» декором, предназначенное для соборного духовенства, где оно могло отогреваться от стужи в неотапливаемом соборе (отопление там установили только в середине XIX в.).

Интерьер Архангельского собора более традиционен – он затеснен крупными квадратными в плане колоннами с еще более широкими основаниями. Роспись собора, произведенная при царе Иване Грозном в 1564–1565 гг., была заменена подобной в 1652–1666 гг., которая интересна тем, что на ней изображены киевские, владимирские и московские князья. Среди изображений на левой, северной, и правой, южной, стенах – фрески, посвященные деяниям архангела Михаила. Над входом в собор, снаружи, изображены сцены Страшного суда.

В иконостасе, выполненном в 1678–1680 гг., особенно красивы царские врата. Самая древняя икона в иконостасе

– рубежа XIV–XV вв. – написана по заказу вдовы Дмитрия Донского в память о муже – по преданию, перед смертью ей явился архангел и повелел написать икону. Это икона Архангел Михаил с деяниями, стоящая в местном ряду второй справа от царских дверей. Иконостас и роспись особенно пострадали в то время, когда в соборе стоял гроб с телом императора Александра I, около которого день и ночь горели огромные, высотой 1,5 м, свечи.

В сумрачном интерьере Архангельского собора одинаковыми рядами стоят надгробия, покрытые в 1906 г. бронзовыми футлярами, обозначающие места погребений князей и царей под полом собора. Всего в соборе 46 гробниц, но захоронений 54, так как иногда одно надгробие установлено над двумя или тремя захоронениями.

Первым здесь был похоронен Иван Данилович Калита (у южной стены, справа от южного входа); напротив, слева от входа, – Василий II Темный, его сын Иван III и внук Василий III. Ближе к западной стене находится надгробие Дмитрия Донского, а по западной стене в ряду надгробий – его двоюродного брата князя Владимира Андреевича Храброго. У юго-восточного столба находится рака с останками царевича Дмитрия, умершего в 1591 г. в возрасте 9 лет в Угличе.

Последний сын царя Ивана Грозного, носивший такое же имя, как и первый, Дмитрий, после смерти царя жил вместе с матерью в Угличе. Там он, единственный после своего старшего брата законный наследник трона, странным об-

разом умер. Наряженная из Москвы следственная комиссия признала, что царевич, страдая падучей болезнью, во время игры упал на собственный нож, а молва, естественно, приписала его смерть Годунову. Через несколько лет царь Василий Шуйский перенес останки царевича в Москву, в Архангельский собор, и его стали почитать как заступника от междоусобной брани и защитника Москвы. Над погребением возвели белокаменную резную сень, в 1630 г. мощи положили в серебряную раку, украденную во время наполеоновского нашествия в 1812 г. Вместо нее иждивением богатого московского купца Дмитрия Александровича Лухманова соорудили новую, которая и стоит в соборе. Сохранились и вещи царевича Дмитрия – шапочка (тафья), украшенная жемчугом, сапфирами и рубинами, которую 20 августа 1700 г. «принес в собор архангела Михаила столпник Алексей Иванов сын Нарышкин, а дав ключарю, сказал, тое де тафье в соборную церковь архистратига божия Михаила изволил прислать с ним великий гдрь царь и великий князь Петр Алексеевич (то есть Петр I. – *Авт.*)...», орешки, которыми он играл, с оставшимися каплями крови, потертый и выцветший шелковый кошелек с четырнадцатью серебряными монетами времен его отца, серебряная ложка (подаренная собору в 1854 г. графами Мамоновыми, родственниками бояр Нагих).

Цари из династии Романовых похоронены у юго-восточного столба – Михаил Федорович и Алексей Михайлович и

у северо-восточного – Федор и Иван Алексеевичи.

Несколько надгробий не видны, ибо они находятся за иконостасом: с южной стороны – Ивана Грозного и его сыновей, убитого им Ивана и Федора, а в приделе Иоанна Предтечи (с южной стороны собора) – молодого талантливого полководца князя Михаила Скопина-Шуйского. В 1963 г. в связи со строительными работами стало возможным вскрыть гробницы с южной стороны. Комиссия специалистов произвела антропологические и химико-токсикологические исследования в связи со слухами о возможном отравлении Ивана Грозного. Были сняты металлические кожухи, под которыми находились кирпичные надгробия, и тогда обнажились вырубленные из известняка полукруглые в изголовье и расширяющиеся книзу саркофаги, закрытые крышками с надписями вязью. Царя Ивана похоронили в монашеской одежде, которую надели уже после смерти, а останки его сыновей и князя Скопина – в шелковых покрывалах, уже почти истлевших. Скелет царя Ивана хорошо сохранился, на костях находились большие отложения солей. У изголовья стоял чудесный голубой кубок из венецианского стекла. Споры вызвало положение правой руки царя Ивана, поднятой к голове, в то время как обе руки должны были быть скрещены на груди. Высказывались различные предположения, но остановились на том, что кости сместились из-за наклона саркофага. Скелет царевича Ивана почти не сохранился из-за неплотного примыкания крышки к гробу и проникновения воды, поэто-

му ни подтвердить, ни отрицать полученную травму – сообщалось, что отец убил его тяжелой тростью, – не было возможности. Гроб царя Федора Ивановича оказался очень маленьким – сын Грозного был небольшого роста, ширококостным.

Фрески западной стены Архангельского собора

Анализы показали, что мышьяк в скелете Ивана Грозного был найден не в том количестве, чтобы можно было говорить об отравлении, но вот ртути оказалось в несколько раз больше нормы, что свидетельствует о хроническом отравлении, возможно при лечении венерических болезней. Отравление ртутью сопровождается бессонницей, галлюцинациями, чрезмерной мнительностью, раздражительностью, о чем неоднократно говорили современники.

Судебно-медицинскими экспертами не было найдено никаких подтверждений слухов об отравлении Скопина-Шуйского.

С северной стороны, также за иконостасом, находится рака с мощами князя Михаила Черниговского, убитого в 1246 г. в Орде и объявленного святым. Ее перенесли из церкви, стоявшей над зданием приказов, снесенным при постройке Кремлевского дворца Баженовым. Последнее захоронение в Архангельском соборе произведено в 1730 г. – тогда у северо-восточного столба похоронили императора Петра II, умершего от оспы перед своим бракосочетанием. Но это уже было исключением, потому что после переноса столицы в Петербург в 1712 г. местом захоронения императоров стал Петропавловский собор.

Благовещенский собор

Этот собор – самый маленький и самый изящный на площади, где господствуют большие объемы Успенского и Архангельского соборов.

Первоначально здесь стоял деревянный храм, построенный, вероятно, еще в конце XIII – начале XIV столетия (по преданию, в 1291 г.), его же сменил каменный – возможно, что Дмитрий Донской при перестройке Кремля в 1360-х гг. возвел небольшую, на высоком подклете, с одной апсидой домовую церковь, которую в начале XV в. расписали известные иконописцы Феофан Грек, старец Прохор с Городца и Андрей Рублев; тогда же впервые поставили трехъярусный иконостас, первый на Руси.

На месте этой церкви в 1416 г. при великом князе Василии I построили более просторную церковь, на основе которой и был возведен существующий храм. Во время общей перестройки Кремля, предпринятой Иваном III, псковские мастера, вызванные для сооружения обвалившегося Успенского собора, убоялись возведения еще невиданного большого здания. Благовещенский же собор должен был быть небольшим и вполне для них привычным. Сначала, в 1482 г., «почаша рушити церковь на площади Благовещение, верх сняша и лубьем покрывша», на следующий год «разруши князь великий Благовещение на своем дворе...», а в 1484 г.

приступили к работам: «Маиа в 6 день, князь велики Иван Василиевич всеа Русии заложил церковь камену Благовещение пресвятыя Богородица на своем дворе, разрушив первое основание, еже бе създал дед его князь велики Василий Дмитриевич» (тут летописец упоминает сына Дмитрия Донского Василия I, княжившего в 1389–1425 гг.).

Благовещенский собор

Новый храм был закончен в 1489 г. и освящен 9 августа митрополитом Геронтием. Церковь была, как и предыдущие, домовым храмом – «на великого князя дворе», соеди-

нявшимися с дворцом переходом, откуда можно было пройти в собор по узкой и крутой лестнице (ее ступени видны за решеткой на северной стене, слева от иконостаса). Эта постройка составляет центральную часть существующего здания – с тремя апсидами и окружающей храм галереей и тремя главами (позже добавили еще две главы). Через 80 лет, при Иване Грозном, после пожара 1547 г. над углами обходившей храм галереи поставили четыре небольших придела, или так называемые церквицы (называется и другая дата – 1563–1566 гг.), которые освятили в честь Входа Иисуса Христа в Иерусалим, архангела Гавриила, собора Пресвятой Богородицы и святого Георгия, переосвященный в царствование Александра I в честь Александра Невского; там, в иконостасе, поместили образа святых, тезоименитых лицам царствующего дома Романовых.

С постройкой церквиц, каждой со своей главкой, в соборе стало девять глав – все они, позолоченные, ярко сверкающие даже и в пасмурный день над белым прихотливым силуэтом собора, представляют самое привлекательное зрелище на Соборной площади. Есть летописное известие, что в 1508 г. князь Василий III «с великою верою и желанием повеле же и верх церковный покрыти и позлатити»; после пожара, спустя 40 лет, главы снова позолотили, и, как рассказывает побывавший в Москве в 1650–1660-х гг. архидьякон Павел Алеппский, Иван Грозный после взятия Казани обратил все сокровища «в слиток и сделал из него большой

крест, — неведомо, сколько миллионов он стоит, и водрузил его на церковь Благовещения. Он существует доселе, — продолжает путешественник, — горит, как солнце, в высоту более трех или двух локтей и столько же в ширину». Эти необыкновенные рассказы он подтверждает словами патриарха Никона, который уверял его, что крест «стоит сто миллионов золотом и что не только крест, но и крыша церкви со своими 9 куполами, карнизами и желобами обложены чистым золотом, в палец толщиной».

Благовещенский собор — единственный, вход в который не с запада, как обычно, а с востока, рядом с апсидами. Объясняется это тем, что с запада в свой домовый храм входил великий князь или царь из дворца, а для всех прочих был сделан отдельный вход с площади, ведущий в обходную галерею. Под козырьком над входом помещена фреска «Собор Богоматери», где изображено собрание пришедших прославить ее и ее сына. За углом, на северной стороне, напротив Грановитой палаты, также «Собор», но на этот раз архангелов. С противоположной стороны, ближе к проезду от Боровицкой башни, расположено еще одно крыльцо — южное, которое называют «грозненским». Рассказывают, что по церковным правилам царю Ивану Грозному запретили присутствовать на службе из-за его неканонического четвертого брака и якобы поэтому для него нарочно пристроили это крыльцо, откуда он мог слышать службы. На самом же деле крыльцо было построено задолго до этих событий, одна-

ко он действительно был лишен права входа в церковь. Царь Иван обратился к церковному собору с просьбой разрешить четвертый брак (с Анной Колтовской) «и прощения просил, и бил челом, и молил о прощении и о разрешении». Члены собора, собравшегося в Успенском соборе, «царьские богомолцы, Архиепископы и Епископы, таковое царево смирение и моление видеша и умилишася, и слезы многия от очию испустили... на милосердие преклонишася». На него наложили епитимью, то есть наказание: в продолжение целого года он не мог участвовать в определенных церковных церемониях и, в частности, не ходить в церковь до следующей Пасхи (то есть почти год, так как собор собрался на четвертой неделе после этого праздника). Епитимья эта, впрочем, отменялась, если царь будет защищать православную веру против неверных.

Говорят также, что именно на этом крыльце Иван Грозный наблюдал комету, возвестившую ему скорую смерть, но это не так – он видел ее, стоя на Красном крыльце. Как писал Н.М. Карамзин, «явилась Комета с крестообразным небесным знаменiem между церковию Иоанна Великаго и Благовещения: любопытный Царь вышел на Красное крыльцо, смотрел долго, изменился в лице и сказал окружающим: вот знамение моей смерти! Тревожимый сею мыслию, он искал, как пишут, Астрологов, мнимых волхвов, в России и в Лапландии, собрал их до шестидесяти, отвел им дом в Москве, ежедневно посылал любимца своего Бельскаго, толковать с

ними о Комете, и скоро занемог опасно...».

В дни Октябрьского переворота 1917 г., по словам А.М. Эфроса, известного искусствоведа и свидетеля разрушений Кремля от обстрела большевиками, «Благовещенский собор лишился интересной и художественно ценной детали – чудесного крытого „итальянского“ крыльца, носящего кличку „крыльца Ивана Грозного“, у него разбит снарядами и осыпался весь угол».

Интерьер собора разительно отличается от его радостного, яркого внешнего облика – он темный и маленький, затесненный еще и хорами с западной стороны, куда устроили вход из Большого Кремлевского дворца. С севера и запада он обстроен галереями-папертиями, а с юга к нему примыкает Никольский придел. Вход в собор через правое крыльцо в северную галерею; над входом (в галерее с внутренней стороны) помещен Спас Нерукотворный, приписываемый Симону Ушакову. Из галереи в собственно церковное помещение ведет перспективный резной, работы итальянских мастеров, портал XVI в., расцвеченный синей краской и золотом, с медными дверями, украшенными в той же технике, что и двери Успенского собора. На створках изображения пророки, античных писателей и философов – Диогена, Еврипида, Платона, Гомера, Менандра и др.

На полу обращают внимание плитки агатовидной красновато-желтой яшмы, увезенные, как считают, из Константинополя и доставленные либо в Ростов Великий, либо в Суз-

даль, а оттуда в Москву.

Известно, что собор расписали в 1508 г.: «...повеле князь велики Василей Иванович всеа Руси подписывати церковь Благовещение святыа Богородица у себя на дворе, а мастер Феодосей Денисиев сын з братьею» (Феодосий был сыном знаменитого иконописца Дионисия). С тех пор стенопись неоднократно поновлялась, ибо страдала не только от пожаров и времени, но и от неумелого реставрирования – так, исчезли уникальные росписи, возможно принадлежавшие руке итальянских художников. Художник-реставратор, производивший расчистку в середине XIX в., обнаружил изображения, которые «поражали замечательною правильностию рисунка, вероятностию натур и совершенно особым характером приемов техники», но наблюдавшая комиссия не согласилась оставить их и пригласила какого-то богомаза, который вытравил эти уникальные рисунки вообще.

Роспись собора реставрировали в советское время, и теперь здесь можно видеть самую древнюю в Кремле стенопись, но во многих местах, в особенности в западной галерее, она в плохом состоянии. Среди изображений на столбах внутри собственно церкви – княгиня Ольга и князь Владимир на восточной грани северного столба; с северной стороны – Дмитрий Донской и его сын Василий I. Внизу стенопись обрамляют белые «полотенца», которые скопировали с византийских храмов, где висели настоящие куски ткани, защищавшие росписи от прислонявшихся посетителей.

Самое ценное и самое интересное в Благовещенском соборе – это пятиярусный иконостас.

На Руси иконостас представлял собой невысокую преграду, к которой приставлялись иконы. К концу XV в. он превратился в высокую, пышно украшенную, золоченую и резную стену, отделяющую алтарь от остальной церкви. На этой стене рядами в определенном порядке расположены иконы. Самый верхний из пяти рядов называется праотеческим – там находятся изображения персонажей Ветхого Завета, в числе которых Адам, Ной, Авель и др. Ниже его – пророческий ряд, где поставлены изображения ветхозаветных пророков, Давида, Моисея, Соломона, Наума и пр. Далее – праздничный, в котором помещены иконы, изображающие главные церковные праздники. Следующий ряд иконостаса – деисусный (от греческого «деисис» – моление), самый главный, где в центре – Христос, восседающий на престоле с раскрытым Евангелием в день Страшного суда. С левой стороны к нему обращены с молитвой Богородица, архангел Михаил, апостол Петр и святой Василий Великий, а с правой – Иоанн Креститель, архангел Гавриил, апостол Павел и святой Иоанн Златоуст (иногда добавлялись и другие апостолы и святые). Самый нижний ряд назывался местным, или поклонным. В центре его находятся царские врата, символизирующие врата рая; слева от них – икона Богородицы, а справа – икона Христа и за ней местная икона – либо святого, либо праздника, которым посвящен храм.

В Благовещенском соборе самые древние и интересные иконы, датируемые концом XIV – первой половиной XV в., находятся в праздничном и деисусном рядах. Нет сомнения, что они были исполнены выдающимися мастерами, но неясно, кем именно: в летописи сообщалось, что в соборе находились иконы Феофана Грека, Прохора с Городца и Андрея Рублева, однако известно также, что иконостас пострадал в «великий пожар» 1547 г.: «...и загореся... Казенный двор (он стоял вплотную к апсидам собора. – *Авт.*) и с царьскою казною, и церковь на царском дворе у царские казны Благовещение златоверхое, деисус Андреева писма Рублева златом обложен, и образы украшены златом и бисером многоценныя греческого письма, прародителей его от много лет собранных».

В третьем ряду семь икон, начиная слева (за исключением четвертой), приписываются Андрею Рублеву, а остальные – Прохору из Городца. Иконы в деисусном ряду, возможно, написаны Феофаном Греком (за исключением Архангела Михаила и Апостола Петра – вторая и третья иконы слева). Ранее авторство с большой уверенностью приписывалось этим великим мастерам, но теперь в этом высказываются серьезные сомнения, а один из исследователей полагал, что «едва ли можно всерьез утверждать, что он (то есть Андрей Рублев. – *Авт.*) был их автором». Некоторые же настаивают на том, что изучение иконостаса не только должно быть продолжено, но и вообще оно делает только «первые шаги».

В местном ряду обращает на себя внимание икона Спас на престоле с надписью о времени создания – 1337 г., справа от нее находится икона с изображением двух фигур, из-за которых выглядывает третья, – это Иоанн Предтеча и апостол Петр, покровители царей Иоанна и Петра Алексеевичей, и приписанный к ним позже святой Алексей человек Божий. Слева от царских дверей – икона Богоматери Шуйско-Смоленской, вставленная вместо известной иконы Донской Богоматери (теперь хранится в Третьяковской галерее). Вокруг несколько лиц библейских «праматерей», среди них внизу в центре изображена Сусанна, в которой можно видеть царевну Софью (она была пострижена в монахини под этим именем).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.